

БИБЛИОТЕКА

Лен. отд. Госинститута

по изуч. преступности

Отд. I № 376

10/64 г. в. м. р.

Предварительное замѣчаніе.

Въ правѣ принято различать объективную и субъективную стороны или объективный и субъективный элементы: право въ "объективномъ смыслѣ", право въ "субъективномъ смыслѣ".

Правомъ въ объективномъ смыслѣ называются нормы права. Совокупность нормъ права, регулирующихъ известный социальный видъ отношеній, напр. супружеской жизни, называютъ институтомъ объективнаго права или просто институтомъ права | институтъ права собственности, институтъ авторскаго права, институтъ семейственнаго права, среди котораго въ свою очередь различаютъ институтъ брака, институтъ родительской власти, институтъ опеки и т.д. | . Совокупность институтовъ, относящихся къ известной обширной области отношеній, или обнимающая все объективное право даннаго народа, называется системой объективнаго права, обыкновенно просто системой права. Напр., система гражданского права | куда относятся институты собственности другихъ правъ на вещи, институтъ договорнаго и вообще обязательства, институтъ наследственнаго права, институтъ семейственнаго права | , система государственнаго права, сист

Библиотека
№ 12

международнаго права и т.п. - система русскаго, фран-
скаго объективнаго права. Впрочемъ, институтъ и систе-
сутъ понятія относительныя, можно сказать "система на-
дственнаго" "система обязательственнаго права", разли-
въ этихъ системахъ болѣе спеціальныя части, какъ ин-
туты |напр., инст. наслѣдованія по закону, инт.насл. по
ѣд. |

Подъ правомъ въ субъективномъ смыслѣ разумѣютъ пра-
тношенія, права и обязанности, устанавливаемыя для
ъ или иныхъ субъектовъ нормами права.

І. ПРАВО ВЪ ОБЪЕКТИВНОМЪ СМЫСЛѢ |НОРМЫ|

А. § 13. С у щ е с т в о и ф у н к ц и и н о р м ь

Относительно существа и функций нормъ существуетъ въ
къ разногласіе. Одни утверждаютъ, что всякая норма права
ержитъ въ себѣ велѣніе, императивъ |куда относится не
ько велѣніе совершить что либо, велѣніе въ тѣсномъ смы-
, повелительныя нормы, но также и велѣніе воздержаться
какого либо поступка, запрещеніе, запретительныя нор-
, другіе же, сверхъ нормъ права, содержащихъ велѣніе,
ерждаютъ существованіе нормъ иного характера и сообраз
съ этимъ различаютъ нѣсколько категорій нормъ сверхъ
мъ повелительныхъ |и запретительныхъ|.

Такое разногласіе, повидимому, существовало уже сре-
римскихъ юристовъ; такъ напр. Цицеронъ характеризовалъ
во, какъ " iussa ac vetita populorum (de legibus II c.4 §9)
m esse aeternum quiddam, quod universum mundum regeret, impe-

randi prohibendique sapientia-aut cogentis aut vetantis-ad iudicium et ad deterrendum idonea (cod. § 9). Напротивъ римскій юристъ Модестинъ сверхъ повелительныхъ и запретительныхъ законовъ признавалъ еще существованіе нормъ дозволильныхъ и карательныхъ: *Legis virtus haec est : imperare, vetare, permittere, punire* (1.7 Digest de legibus I,3).

Теперь насчетъ карательныхъ нормъ существуетъ вообще согласіе, что онѣ по содержанию своему не составляютъ особой категоріи нормъ, а относятся къ нормамъ повелительнымъ, ибо заключаютъ въ себѣ повелѣніе, обращенное къ суду и органамъ исполнительной власти, наказывать преступника. Напротивъ, дозволильныя нормы или нормы "предоставляющія" *Gewährungen, gewährende Rechtssätze* и теперь признаются многими учеными за особую категорію нормъ, отличную отъ нормъ повелительныхъ. Сверхъ того теперь еще сюда относятъ нормы опредѣлительныя */Begriffsentwickelnde, deklaratorische Rechtssätze/* и отрицательныя *| verneinende R |*

Сторонники сведенія всѣхъ нормъ на повелѣнія и запрещенія указываютъ на то, что для правильнаго рѣшенія даннаго спорнаго вопроса нельзя исходить изъ формы, изъ редакціи статей законовъ, а слѣдуетъ обращать вниманіе на существо дѣла, на внутренній смыслъ законовъ. Такъ, напр., часто въ законахъ вмѣсто повелительной формы выраженія встрѣчается описательная, тѣмъ не менѣе несомнѣнно смыслъ этихъ

■ |
Ср. впрочемъ 1 52 § 6. D de obl.et.act. 44,7 Modestinus quae.... fieri praecipiantur vel fieri prohibentur.

законовъ состоитъ не въ сообщеніи факта, а въ повелѣніи. Напр. ст. 47 нашихъ основныхъ законовъ гласитъ, что "Имперія Россійская управляется на твердомъ основаніи законовъ" Ст. 15 учрежденія судебн. установленій опредѣляетъ: "Въ каждомъ мировомъ участкѣ находится Участковый Мировой Судья". Смыслъ этихъ статей состоитъ въ велѣніяхъ, чтобы законы примѣнялись, чтобы надлежащіе органы заботились о назначеніи судей, а не въ сообщеніи свѣдѣній о томъ, что есть |законы подчасъ нарушаются, въ случаѣ смерти судьи до назначенія новаго, мировой участокъ остается безъ судьи и т.д.

Точно также и т.н. опредѣлительныя, отрицательныя и дозволительныя нормы представляютъ особенности только съ точки зрѣнія редакціи статей законовъ, по существу же своему онѣ могутъ быть сведены къ велѣніямъ.

I. Что касается т.н. опредѣлительныхъ нормъ, т.е. такихъ статей закона, содержаніемъ коихъ является опредѣленіе какого либо понятія, встрѣчающагося въ другихъ статьяхъ, или вообще разъясненіе выраженій или положеній другихъ статей, то онѣ по смыслу своему представляютъ часть тѣхъ повелительныхъ нормъ, содержаніе которыхъ онѣ точнѣе опредѣляютъ, разъясняютъ и т.д. Такъ, если законъ даетъ опредѣленіе какой нибудь юридической сдѣлки или какого нибудь преступленія, это означаетъ велѣніе всѣмъ юридическія послѣдствія, связанныя съ данною сдѣлкой или съ даннымъ преступленіемъ, относить лишь къ тѣмъ человѣческимъ дѣйствіямъ, которыя подходятъ подъ это опредѣленіе. Все дѣло въ томъ, что тутъ юридическая норма выражена не одной статьею

ей, а нѣсколькими: въ одной дается опредѣленіе, въ други указываются юридическія послѣдствія, связываемыя съ подх-
дящими подъ данное опредѣленіе фактами".

2. Отрицательныя нормы, т.е. такія, которыя указываютъ, что съ извѣстными фактами не связываются извѣстныя юр. по-
слѣдствія | напр. договоры малолѣтнихъ не имѣютъ силы, дѣ-
яніе, совершенное въ состояніи безпамятства, не влечетъ
за собою наказанія | сводятся къ отмѣнѣ, къ взятію назадъ
или ограниченію другой нормы, императивной | напр., дого-
воры должны исполняться, совершившій такое то дѣяніе дол-
женъ быть наказанъ | и не имѣютъ, такимъ образомъ, значе-
нія самостоятельной нормы.

3. Такъ называемыя дозволительныя или предоставитель-
ныя нормы могутъ имѣть различный смыслъ:

а | Нѣкоторыя изъ нихъ означаютъ полную или частичную
отмѣну запрещенія. Дозволеніе, какъ отмѣна запрещенія, не
означаетъ установленія новой нормы, а только уничтоженіе
прежней.

б | Другія являются только чисто редакціоннымъ придат-
комъ къ запрещенію, не имѣющимъ самостоятельнаго значе-
нія, такъ что содержаніе статьи не измѣнилось бы, если
бы оговорка о дозволеніи была упущена. Напр., вмѣсто за-
прещенія дѣйствія а иногда законодатель говоритъ, что до-
зволяется или не запрещается такая то | болѣе общая, неже-
ли а | категория дѣйствій, за исключеніемъ случаевъ а.

в | Третья и самая важная категория дозволительныхъ ил.

предоставительныхъ нормъ имѣть дѣйствительно самостоя-
тельное значеніе, но именно значеніе этой категоріи нормъ
состоитъ въ томъ, что дозволеніе чего либо или предостав-
леніе какого либо полномочія одному лицу означаетъ велѣ-
ніе, обращенное къ другимъ лицамъ, возложеніе обязанности на
другихъ лицъ. Напр., положеніе: кредиторъ можетъ требовать
объщанной должникомъ суммы - означаетъ, что должникъ обя-
занъ уплатить общанную сумму; предсѣдателю суда предо-
ставляется право въ извѣстныхъ случаяхъ удалять публику
изъ залы суда - означаетъ, что присутствующія постороннія
лица обязаны въ случаѣ соотвѣтств. распоряженія предсѣда-
теля повиноваться, удалиться; собственникъ можетъ по сво-
ему усмотрѣнію пользоваться своею вещью - означаетъ пове-
леніе, обращенное къ другимъ гражданамъ не мѣшать собст-
веннику пользоваться своею вещью и т.д.

Около послѣдней категоріи предоставительныхъ нормъ цен-
трализуется главнымъ образомъ упомянутый научный споръ,
и большинство ученыхъ, несмотря на оживленную полемику и
подробную аргументацію сторонниковъ сведенія всѣхъ нормъ
къ императивамъ |велѣніямъ и запрещеніямъ| и признаніе,
что нѣкоторыя дозволительныя статьи имѣютъ чисто редак-
ціонное значеніе, все таки настаиваютъ на существованіи,
верхъ повелительныхъ и запретительныхъ нормъ, также и
нормъ предоставительныхъ, какъ особой третьей категоріи
нормъ. Если бы и можно было во всѣхъ случаяхъ предоста-
вительныхъ нормъ указать на соотвѣтственныя дозволенію
обязанности и императивы, то все таки центръ тяжести и ос-
новной смыслъ многихъ нормъ состоитъ именно въ предостав-

леніи полномочія извѣстнымъ лицамъ, обязанности же другихъ лицъ являются только дальнѣйшими послѣдствіями предоставленнаго полномочія, имѣютъ второстепенное значеніе. Выдвигать ихъ на первый планъ и видѣть въ нихъ основной смыслъ такихъ нормъ означаетъ произволь и искаженіе истиннаго значенія нормы.

Впрочемъ и полемика сторонниковъ теоріи императивовъ противъ признанія опредѣлительныхъ и отрицательныхъ статей многими авторитетными писателями признается неубѣдительною. Въ частности отрицательнымъ нормамъ многіе приписываютъ самостоятельное значеніе, хотя бы онѣ и были направлены на отмѣну прежней повелительной нормы. Отмѣна или ограниченіе другой нормы есть самостоятельный законодательный актъ.

Изъ изложенной и обоснованной выше теоріи права вытекаетъ, что въ изложенномъ спорѣ обѣ стороны ошибаются.

Неправы прежде всего и принципиально заблуждаются сторонники теоріи императивовъ, противники признанія представительныхъ нормъ; ихъ тезисъ - ни одна норма не можетъ быть признана представительною - слѣдуетъ замѣнить противоположнымъ тезисомъ: всѣ юридическія нормы суть нормы представительныя, и въ этомъ состоитъ существо юр. нормъ и отличіе ихъ отъ прочихъ нормъ. Видя во всѣхъ нормахъ права только императивы, сторонники этой теоріи говорятъ о чемъ то другомъ, но не о правѣ. Такая норма, которая состояла бы только въ повелѣніи другимъ дѣлать что либо или воздерживаться отъ чего либо, не представляя долгъ другихъ мнѣ, не закрѣпляя положительнаго полюса обязанности

и другихъ за мной, не порождаетъ бы для меня никакого права и не была бы для меня нормой права. Напр., если отецъ велитъ сыну подать нищему милостыню, то здѣсь есть повелѣніе и притомъ повелѣніе въ интересѣ нищаго, но ни одинъ изъ насъ никакого права изъ такого повелѣнія для себя вывести не можетъ. По теоріи императивовъ все право представляется въ такомъ видѣ, т.е. безъ настоящаго права. Вслѣдствіе существованія права разные люди получаютъ разныя выгоды, но безъ права на нихъ въ собственномъ смыслѣ, а какъ милость, благое даяніе, происходящее вслѣдствіе того, что кто-то другимъ велѣлъ доставить намъ сіе даяніе и эти другіе фактически повинуются велѣнію.

Принципіальное заблужденіе коренится и въ господствующей теоріи, признающей наряду съ императивами еще и предоставительныя нормы, какъ особый видъ юр. нормъ. Ибо то, что она считаетъ особенностью нѣкоторыхъ юр. нормъ, составляетъ сущность всѣхъ нормъ права. Съ другой стороны, и тѣ нормы, которыя она считаетъ предоставительными, являются такими же императивами, какъ и тѣ, которыя она признаетъ императивами. Ибо юридическое предоставленіе есть закрѣпленіе за однимъ лицомъ обязанности |функции императива| другого, слѣдовательно, юр. предоставленія безъ юридическаго императива нѣтъ и быть не можетъ.

Что же касается спора объ отрицательныхъ статьяхъ и т.п. и въ его основаніи коренится недоразумѣніе на счетъ существа нормы.

Слѣдуетъ вообще замѣтить, что понятіе "норма", "императивъ" далеко не отличается научной разработанностью и

определенностью въ наукѣ права, что, хотя всѣ согласно пользуются этими терминами въ области теоріи права, но не всѣ одинаково и съ достаточною научною ясностью ихъ понимаютъ и что особенно въ новѣйшее время со словомъ "норма" связываются обыкновенно весьма неправильныя представленія, существенно затемняющія и искажающія и безъ того не особенно ясную и правильную общую науку о правѣ.

Такъ, напр., изъ ученія Геринга видно, что нормой, или императивомъ, по его теоріи является особаго рода дѣйствіе, а именно воздѣйствіе болѣе сильнаго на болѣе слабого, состоящее въ выраженіи воли сильнаго |велѣніи|, требующей подчиненія и повиновенія отъ слабого. Сильный изрекаетъ эти велѣнія въ собственномъ интересѣ для осуществленія |"защиты"| своихъ интересовъ, такъ что его велѣнія являются "политикою силы", слабый повинуетъ велѣнію тоже въ собственномъ интересѣ, ибо въ противномъ случаѣ ему угрожаетъ насиліе, репрессія и т.п., такъ что мы могли бы въ pendant къ характеристикѣ права, какъ политики силы" | *Recht als Politik der Gewalt* |^а или эгоизма^б назвать |въ духѣ теоріи интересовъ| повиновеніе нормамъ права политической слабости и трусости. Вообще въ смыслѣ теоріи "интересовъ" и моднаго "реалистическаго" направленія норма не есть что то обязательное само по себѣ, абсолютно-обязательное, т.е. безотносительно къ тѣмъ или инымъ цѣлямъ и интересамъ, которые кому либо желательно осуществить, а,

а | Jhering, *Zweck im Recht*, I S, 249.

б | *Jdem eodem*.

напротивъ, она есть лишь "средство для цѣли", значеніе ея обуславливается извѣстной цѣлью и извѣстными интересами.

Совсѣмъ иное то понятіе нормы, изъ котораго мы исходимъ выше. Подъ нормами мы понимаемъ во первыхъ, абсолютно обязательныя правила поведенія, т.е. правила, покоящіяся на убѣжденіяхъ, не обусловленныхъ какими либо соображеніями о цѣляхъ и интересахъ, а, напротивъ, безусловно обязывающихъ насъ и не допускающихъ даже |стремящихся подавить и исключить| мысли о нашихъ эгоистическихъ интересахъ; во вторыхъ, подъ нормами мы понимаемъ именно содержаніе убѣжденій, т.е. собственные психическіе элементы того, кому норма присуда, а никоимъ образомъ не чужія дѣйствія - веденія какого либо сильнаго или слабаго лица. И притомъ то мы относимъ не только къ интуитивнымъ |что само собой разумѣется|, но и къ позитивнымъ нормамъ и притомъ не только

| Съ точки зрѣнія Геринга такое понятіе нормы немислимо, ср. Zweck im R. .стр.330 и слѣд. |въ особенности замѣчаніе на страницѣ 332 Die letztere Ansicht, т.е. что нормы права обращаются къ государству |würde zur Voraussetzung haben, dass Jemand an sich selber einen Imperativ richten könne, was mit dem Begriff desselben, der zwei sich gegenüberstehenden Willen : einen mächtigeren und einen schwächeren zur Voraussetzung hat, unvereinbar ist."

■ | Что въ области обычнаго права нѣтъ собственно повелевающаго лица, было уже отмѣчено нѣкоторыми теоретиками, но къ сожалѣнію осталось безъ надлежащихъ результатовъ и выводовъ для теоріи права.

къ обычнымъ нормамъ права, но и къ законамъ | ср. выше, п
робиѣе объ этомъ ниже въ ученіи о законѣ |.

Законодательныя изреченія, какъ дѣйствія извѣстныхъ
лицъ, состояція въ выраженіи извѣстныхъ мыслей, и какъ
написанные или напечатанные условные знаки, символы, не
являются поэтому съ нашей точки зрѣнія нормами права, а
только средствомъ внушенія нормъ, возбужденія въ душахъ
слушающихъ и читающихъ нормъ права, императивно-аттри-
бутивныхъ убѣжденій, сознанія правъ и обязанностей. Та-
кимъ образомъ классификація и установленіе особыхъ ви-
довъ нормъ права по видамъ законодательныхъ изреченій,
по статьямъ законодательныхъ документовъ есть занятіе,
основанное на недоразумѣніи; это классификація вовсе не
нормъ права, а словесныхъ средствъ возбужденія, измѣнен-
іи или устраненія нормъ права. Если мы станемъ на обычную |
вергаемую нами | точку зрѣнія и станемъ классифицировать
законодательные акты выраженія воли законодателя, какъ
мы права, въ такомъ случаѣ нельзя не признать, что напр
т.н. отрицательныя нормы представляютъ особый видъ норм
Отмѣна или ограниченіе другой "нормы права" есть, несом-
нѣнно важный и самостоятельный актъ, важное дѣйствіе за-
нодателя *sui generis*, не нуль, а положительная величина.
Если прежде несостоятельныя должники обязаны были отолу-
живать свой долгъ и попадали вслѣдствіе этого подчасъ в
пожизненную зависимость отъ кредитора, похожую на рабст-
а потомъ законодательнымъ порядкомъ провозглашается нач-
ло: неплатежъ долга не влечетъ за собою обязанности от-
служивать должную сумму, то это законодательный актъ пе-

остепенной важности, и, если нормы права отождествлять
законодательными актами, выражениями воли законода-
еля, то надо въ этомъ случаѣ признать созданіе новой,
самостоятельной и важной отрицательной нормы права.

Иначе приходится рѣшить вопросъ, если подъ нормами
права разумѣть не дѣйствія законодателя, а содержаніе
атрибутивныхъ убѣжденій, внушаемыхъ, устраняемыхъ, из-
меняемыхъ этими дѣйствіями. Въ данномъ примѣрѣ приходит-
ся сказать: прежде существовала среди даннаго народа норма
права, дающая кредитору притязаніе на отслуживаніе долга
со стороны должника; теперь, вмѣсто этой психической по-
ложительной величины существуетъ 0 - нѣтъ нормы, которая
когда то существовала. Точно также по поводу статьи, на-
правленной на ограниченіе смысла другой, прежде издан-
ной, статьи, мы скажемъ, что здѣсь имѣется особый зако-
дательный актъ, что же касается нормъ права, то въ ре-
зультатѣ получается ограниченная по своему объему атри-
тивно-императивная норма и т.д. Въ случаѣ наличности
сколькихъ самостоятельныхъ "нормъ права" въ смыслѣ го-
лосующаго возрѣнія при взглядѣ на дѣло съ нашей
точки зрѣнія придется иногда констатировать 0 нормъ пра-
или наличность одной нормы такого то ограниченаго
ъема.

Б. В и д ы н о р м ь п р а в а .

§ 14. I. К а т е г о р и ч е с к і я и г и п о т е т и ч е с к і я н о р м ы .

Юридическія нормы дѣлятся на категорическія |безусловныя| и гипотетическія |условныя|, смотря по тому, устанавливаютъ ли онѣ для субъектовъ, къ которымъ онѣ обращаются, права и обязанности безусловно, или же лишь условно, на случай наступленія извѣстныхъ возможныхъ обстоятельствъ.

Примѣромъ категорическихъ нормъ могутъ служить нормы запрещающія отравленіе, изнасилованіе, измѣну государству и т.п.

Гипотетическою является, на примѣръ, норма:

"Если послѣ умершаго владѣльца не осталось нисходящихъ то право наследованія переходитъ въ боковыя линіи" |ст. 1134 гражд. зак. |

Нѣкоторыми теоретиками отстаивается положеніе, что категорическихъ нормъ вовсе нѣтъ, что всѣ нормы права условны. Но эта теорія несомнѣнно ошибочна. Сторонники признанія условности всѣхъ юридическихъ нормъ указываютъ между прочимъ на то, что "даже такая безусловная съ нравственной точки зрѣнія норма, какъ запретъ посягать на

я | Отмѣтивъ въ предыдущемъ § отличіе нормъ права отъ законодательныхъ изреченій, мы ниже для удобства изложенія будемъ приводить статьи законовъ, какъ примѣры нормъ права, безъ особыхъ оговорокъ.

основанность человеческой жизни, въ качествѣ юридической нормы не безусловна. Большинство интересовъ должны, правда, уступать интересу сохраненія жизни, но не всѣ. Въ случаяхъ необходимой обороны, на войнѣ, при осуществленіи карательной власти государства лишеніе жизни правомъ допускается." Вообще съ точки зрѣнія теории интересовъ и отождествленія права съ "защищаемыми" и т.п. интересами все въ правѣ относительно, ибо "юридическая норма осуществленія каждаго интереса обусловлена тѣмъ, какому другому интересу онъ въ данномъ случаѣ противопоставляется."

Но въ дѣйствительности нормы права говорятъ не объ интересахъ и |воздѣйствуя косвенно на интересъ, см. выше| посредственно регулируютъ не интересы, а поступки людей. Нѣкоторые виды поступковъ, какъ на примѣръ, распятіе убогого человѣка на крестѣ, залитіе горла раскаленнымъ металломъ, скальпированіе, сводничество, порабощеніе людей, подлоги не допускаются современнымъ цивилизованнымъ правомъ ни въ какомъ случаѣ, хотя бы они совершались для "охраны" такихъ "интересовъ", осуществляются которые путемъ болѣе благовидныхъ средствъ всякому дозволяется, и которые въ данномъ случаѣ могутъ казаться особенно важными.

Вопросъ о дѣленіи нормъ на категорическія и гипотетическія обсуждается литературой, конечно, съ точки зрѣнія "атрибутивного" права; въ случаѣ признанія |атрибутивныхъ| атрибутивныхъ нормъ нормами права, сомнѣнія въ существо-

Та часть гипотетической нормы, которая опредѣляетъ условіе примѣненія атрибутива |императива|, называется гипотезою, а само атрибутивное правило называется диспозиціей или распоряженіемъ. Категорическія нормы состоятъ только изъ диспозицій.

Гипотеза можетъ имѣть форму придаточнаго предложенія, начинающуюся словомъ "если", но возможны и разныя иныя формы, напримѣръ, тотъ, кто совершитъ такое дѣяніе, совершившій такое дѣяніе, за совершеніе такого то дѣянія |если кто совершитъ такое то дѣяніе| виновный подвергается такому то наказанію. "Каждая дочь, при живыхъ сыновьяхъ" | если есть живые сыновья | и т.п.

ваніи категорическихъ нормъ возникнуть бы вовсе не могли; эти нормы возникаютъ въ сознаніи и воздѣйствуютъ на поведеніе обыкновенно въ видѣ категорическихъ нормъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда соотвѣтственныя законодательныя изреченія имѣютъ условный характеръ; онѣ возникаютъ чаще всего тогда, когда уже тѣ факты, которые предусмотрены соотвѣтственнымъ закономъ, какъ условіе наступили; напримѣръ, заключивъ договоръ, мы сознаемъ категорическую норму, заставляющую насъ уплатить обѣщанную сумму, между тѣмъ какъ гражданскій законъ, предписывающій, что "въ случаѣ заключенія договора"... есть норма гипотетическая. Вообще, имѣя въ виду нормы права, какъ психическія явленія опредѣленнаго нами выше тина, мы можемъ на каждомъ шагу констатировать наличность категорическихъ нормъ. Въ частности, и норма, запрещающая по-

По степени определенности диспозиція нормы дѣлятся на абсолютно-определенныя, относительно-определенныя и неопределенныя. Норма |и диспозиція| называется абсолютно-определенною, если она устанавливаетъ точно определенныя, не оставляющія простора для чьего либо усмотрѣнія, права и обязанности, на примѣръ, находящаяся въ незаконномъ владѣніи вещь должна быть возвращена собственнику, наследство дѣлится между сыновьями поровну. Неопределенная норма |и диспозиція| предоставляетъ выборъ поведенія на усмотрѣніе того, къ кому она обращается, на примѣръ, принять всѣ необходимыя мѣры для защиты отечества, для -----
сягать на чужую жизнь, въ душѣ тѣхъ, которые не осуществляютъ обязанностей палача, или солдата во время войны, обыкновенно имѣетъ характеръ категорической юридической нормы. Но юриспруденція психологическимъ самонаблюденіемъ для изученія права не пользуется. Этимъ объясняется, на примѣръ, то обстоятельство, что Герингъ вовсе не знаетъ понятія нормы въ нашемъ смыслѣ, а только говоритъ о велѣніи однихъ лицъ |сильныхъ| другимъ, т. е. по нашему убѣжденію вообще не знаетъ права, а толкуетъ о явленіяхъ, ничего общаго съ правомъ не имѣющихъ. Въ его философіи права понятіе права совсѣмъ отсутствуетъ и даже существованіе права, какъ особаго психическаго явленія, не подозрѣвается. Замѣчательная популярность ученій Геринга, въ особенности теоріи интересовъ, въ наше время бросаетъ своеобразный свѣтъ на теперешнее состояніе науки права.

устраненія безпорядковъ | дискреціонная власть|. Относительно-опредѣленная норма предоставляетъ лишь въ точно опредѣленныхъ границахъ просторъ усмотрѣнію дѣйствующаго, такъ, уголовные законы обыкновенно предоставляютъ суду опредѣлить мѣру наказанія, но при этомъ устанавливаютъ высшій или высшій и низшій предѣлъ. Напримѣръ, "За кражу предмета цѣною не свыше трехсотъ рублей, виновные подвергаются:

заключенію въ тюрьму на время отъ трехъ до шести мѣсяцевъ".

Впрочемъ, опредѣленность гипотетическихъ нормъ зависитъ также отъ степени опредѣленности гипотезы. Дѣло въ томъ, что и гипотезы могутъ быть абсолютно-опредѣленныя, |напримѣръ, "за кражу предмета цѣною не свыше трехсотъ рублей...", "въ случаѣ смерти отца"... и т.д. |, относительно-опредѣленныя |напримѣръ, въ случаѣ безпорядковъ, если представится надобность, то....., здѣсь условіе примѣненія диспозиціи отчасти опредѣлено указаніемъ на наличность безпорядковъ, отчасти оставлено на усмотрѣніе |и неопредѣленныя |если, напримѣръ, случаи пользованія или непользованія извѣстною властью, напримѣръ, властью смѣнять служащихъ, вполнѣ предоставлены усмотрѣнію дѣйствующаго |.

---ooOoo---

Листъ 2-ой.

Лекціи проф. Л. І. Петражицкаго.

Литографія Юдеевича, Владимірскій пр. 13.

§ 15. 2. Д и с п о з и т и в н ы я и п р и н у -
д и т е л ь н ы я н о р м ы п р а в а.

/ius dispositivum - ius cogens/.

Диспозитивными нормами называется особый видъ гипотетическихъ нормъ, а именно такія нормы, которыя заключа-
тъ въ себѣ или подразумеваютъ условіе: если заинтересо-
нныя лица сами не постановятъ |напримѣръ, въ договорѣ,
завѣщаніи| иного | *nisi inter partes aliud convenit, nisi
iud actum est.*

Иногда диспозитивный характеръ устанавливаемой нормы
ражается въ самой статьѣ закона, содержащей диспозицію
спозитивной нормы. Напримѣръ:

Размѣръ роста за пользование капиталомъ долженъ быть
редѣленъ г. обязательствѣ, выданномъ должникомъ заимо-
вцу. При не соблюдениіи этого ус-
о в і я... р о с т ь... п о л а г а е т с я п о ш е -
г и н а о т о |ст. 202I гражд. зак.!

*intestato moritur, cui suus heres nec escit, agnatus proximus
niliam habeto*

Обыкновенно же о такомъ условномъ значеніи закона при-
ится заключать на основаніи другихъ данныхъ. На при-
мѣръ, въ гражданскихъ законахъ въ отдѣлѣ о наследованіи
закону обыкновенно говорится просто, что послѣ ро-
елей наследуютъ ихъ дѣти и дѣлятъ между собой наслед-
о такъ то, если нѣтъ дѣтей, то наследуютъ такія то
а и т.д. Но изъ статей содержащихся въ отдѣлѣ о завѣ-
іяхъ видно, что правила о порядкѣ наследованія по за-

кону представляють главнымъ образомъ диспозитивныя нормы, т.е. не мѣшаютъ наследодателю назначить своими наследниками иныхъ лицъ, или распределить между ними наследство иначе путемъ завѣщанія.

Нормы, дѣйствіе которыхъ не зависитъ отъ отсутствія или наличности противнаго распоряженія сторонъ, т.е. въ этомъ отношеніи безусловныя, называются принудительными нормами, римскіе юристы называли ихъ *ius publicum / ius publicum privat orum pactis mutari non potest* / напримѣръ:

"Срокъ личнаго найма опредѣляется условіемъ между договаривающимися лицами, но не можетъ простирасться долѣе пяти лѣтъ".

"Родовыя имѣнія не подлежатъ завѣщанію" | ст. 1068 гр. з |.

Вслѣдствіе этого положенія и нормы о порядкѣ наследованія по закону по отношенію къ родовымъ имуществамъ являются *ius cogens*.

§ 16. 3. Главныя нормы и ихъ санкции.

Санкціями называется особый видъ гипотетическихъ нормъ, а именно нормы, условіемъ примѣненія которыхъ является нарушеніе другой [главной] нормы; онѣ опредѣляютъ послѣдствія, падающія на нарушителей главныхъ нормъ, направлены на устраненіе или подавленіе мотивовъ, могущихъ вести къ нарушенію главныхъ нормъ, и поэтому были бы излишними, если бы люди безъ всякихъ угрозъ неприя-

ыми для нихъ послѣдствіями всегда повиновались праву.

Въ законахъ санкція иногда ясно отдѣляется отъ главной нормы или даже находится въ иномъ отдѣлѣ законодательства, нежели главная норма. Напримѣръ, статья 218-ая гражд. зак. гласитъ: "Запрещается совершать какія бы то ни было крѣпости и акты отъ имени малолѣтняго, или написанна имъ признавать дѣйствительными и приводить въ исполненіе.

Примѣчаніе. Когда оказываются закладныя отъ малолѣтняго выданна, то сверхъ уничтоженія оныхъ, взимается съ другой договорившейся стороны въ штрафъ двойныя съ тѣхъ актовъ въ казну пошлыны".

Здѣсь въ примѣчаніи содержится санкція запрещенія извѣстныхъ договоровъ съ малолѣтними.

Статья 20 гражд. зак. опредѣляетъ:

"Запрещается вступать въ новый бракъ во время существованія прежняго, закономъ не расторгнутаго".

Санкція этой нормы заключается въ одной изъ дальнѣйшихъ статей гражд. зак. |37|, гдѣ бракъ, заключенный вопреки этому запрещенію признается недѣйствительнымъ. сверхъ того, для той же нормы есть санкція въ другомъ томѣ свода законовъ, а именно въ уголовномъ уложеніи, статья 1554, которая гласитъ:

"Кто изъ лицъ христіанской вѣры, состоящихъ въ брачномъ союзѣ, вступаетъ въ новый бракъ, при существованіи прежняго, тотъ подвергается за сіе:

Лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію приобретенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Си-

бирь".

Иногда же главная норма или санкція особо и прямо не высказывается, такъ что ихъ приходится подразумѣвать.

Такъ, на примѣръ, если въ законѣ говорится, что сдѣлка извѣстнаго рода запрещается, то отсюда обыкновенно заключаютъ, что въ случаѣ совершенія [нарушенія главной нормы] такія сдѣлки не имѣютъ силы, ничтожны.

Часто, напротивъ, не говорится, что данная сдѣлка запрещается, а просто опредѣляется, что такія то сдѣлки ничтожны. Изъ такой санкціи выводятъ наличность главной нормы, запрещеніе данной сдѣлки. На примѣръ, изъ статьи, объявляющей ничтожность заемнаго обязательства, выданнаго во вредъ кредиторамъ несостоятельнаго должника, слѣдуетъ само собою, что такія сдѣлки запрещены.

Точно также изъ возложенія въ законѣ наказанія за извѣстный поступокъ вытекаетъ наличность запрещенія этого рода поступковъ. На примѣръ: "За поджогъ съ умысломъ какаго либо обитаемаго зданія, виновные подвергаются:

лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на время отъ восьми до десяти лѣтъ". |статья 160 уг. зак. |

Изъ этой статьи вытекаетъ наличность запрещенія поджога. И въ большинствѣ другихъ случаевъ запрещеніе упоминаемыхъ въ уголовныхъ законахъ дѣяній особо не высказывается, такъ что уголовные законы косвенно выражаютъ запретительную диспозицію и прямо - другую норму, санкцію этого запрещенія.

Этимъ объясняется обычай криминалистовъ называть п

дую часть уголовного закона, т.е. часть определяющую наказуемое дѣяніе |гипотезу примѣненія наказанія| диспозиціей, а вторую часть, определяющую наказаніе |диспозицію санкціи| - санкціей.

Съ точки зрѣнія наличности и рода или отсутствія санкціи главныя нормы раздѣляются на слѣдующіе виды:

I. *Leges perfectae*. Это такія нормы, санкція которыхъ состоитъ въ признаніи недѣйствительности юридическаго акта, нарушающаго главную норму. Напримѣръ: -

главная норма: запрещаются договоры, противныя доброй нравственности /*contra bonos mores*/

санкція: такіе договоры ничтожны;

главная норма: "Запрещается вступать въ бракъ лицу, имѣющему болѣе восьмидесяти лѣтъ отъ роду".

санкція: "Законными и дѣйствительными не признаются... брачныя сопряженія лицъ... имѣющихъ отъ роду болѣе восьмидесяти лѣтъ".

Совершенными, *perfectae*, эти нормы называются потому, что онѣ дѣлаютъ попытку добиться извѣстнаго юридическаго результата бесплодною, безсильною, такъ что здѣсь весьма дѣйствительно уничтожается мотивъ совершенія запрещеннаго акта. Фактически, впрочемъ, по разнымъ причинамъ, этого можетъ быть недостаточно, а требуется еще добавленіе наказанія, отсюда:

2. *Leges plus quam perfectae* - такія нормы, санкція которыхъ состоитъ въ признаніи акта ничтожнымъ и сверхъ того еще въ наказаніи. Примѣромъ могутъ служить приведенныя выше |стр. 20| статьи 218 и 20 гражд. зак.

3. *Leges minus quam perfectae* называются нормы въ томъ случаѣ, если юридическій актъ, совершенный вопреки нормѣ признается дѣйствительнымъ, но нарушитель подвергается наказанію. Напримѣръ:

"Запрещается лицамъ, состоящимъ въ службѣ, какъ военной, такъ и гражданской, вступать въ бракъ безъ дозволенія начальства, удостовѣреннаго письменнымъ свидѣтельствомъ |ст. 9 гражд. зак.|"

Бракъ совершенный вопреки этой нормѣ, не признается недѣйствительнымъ, но статья 1565 уголовного ул. поста новляетъ:

"Кто изъ состоящихъ въ государственной службѣ вступитъ въ бракъ безъ дозволенія своего начальства, тотъ за сѣе подвергается:

"строгому выговору, со внесеніемъ онаго въ послужной списокъ".

4. *Leges imperfectae* - нормы безъ санкціи |ор. выше

---oo0oo---

§ 17. 4. Нормы родовныя |общія| и индивидуальныя |сепаратныя|. Индивидуальныя привилегіи.

По общему правилу: *Jur non in singulas personas sed generaliter constituntur* (Ulpianus, 1. 8 Dig. de 1,3). Т.е. |позитивныя| нормы права обыкновенно устанавливаются не для отдѣльныхъ индивидовъ, не для индивидуальныхъ отношеній, а для болѣе или менѣе обширныхъ родовъ |видовъ, категорій| отношеній. Такъ напримѣръ, нормы права

"Ближайшее право наследованія послѣ отца или матери принадлежитъ законнымъ ихъ дѣтямъ мужескаго пола...."

"Договоры должны быть исполняемы по точному онѣхъ разуму, не уважая побочныхъ обстоятельствъ и не взирая ни на какихъ особъ".

"Каждый сочинитель или переводчикъ книги имѣетъ исключительное право пользоваться во всю жизнь свою изданіемъ продажей оной по своему усмотрѣнію, какъ имуществомъ лагопріобрѣтеннымъ".

установлены не для индивидовъ - братьевъ Петровыхъ, жившихся отца, не для заключившихъ между собою договоръ купца А. и помѣщика Б., не для какого либо индивидуально опредѣленнаго сочинителя, напримѣръ, Гоголя, Пушкина, а для общихъ категорій лицъ: дѣтей, авторовъ, переводчиковъ и т.д. Каждое лицо, которое обладаетъ указанными закономъ признаками, каждое отношеніе, которое подойдетъ подъ установленныя закономъ родовыя понятія, подлежитъ дѣйствию нормы, установленной такимъ образомъ для неопредѣленнаго множества будущихъ отношеній извѣстнаго типа. Такія нормы, которыя регулируютъ отношенія такимъ родовымъ образомъ, называются *leges generales*, общими нормами, родовыми нормами.

Меньшее значеніе въ области позитивнаго права имѣютъ, но всетаки существуютъ и такія нормы права, которыя устанавливаются спеціально для какого либо индивидуально опредѣленнаго отношенія или случая, для индивидуально опредѣленныхъ лицъ или одного лица.

Въ области интуитивнаго права, напротивъ такія инди -

Нормы права, установленныя для конкретнаго индивидуальнаго отношенія, называются *constitutiones personales* индивидуальными, сепаратными |иногда также специальными, отъ слова *species*, индивидуально опредѣленный предметъ, въ отличіе отъ *genus* - родъ| нормами.

Такъ на примѣръ, у насъ для каждаго вновь возникающаго акціонернаго товарищества устанавливается особый уставъ, опредѣляющій права и обязанности учредителей и т.д. - въ видѣ сепаратнаго закона.

Нерѣдко въ исторіи права общимъ нормамъ предшествовало появленіе и накопленіе соответственныхъ сепаратныхъ нормъ. Такъ, на примѣръ, въ большинствѣ современныхъ государствъ акціонерныя компаніи учреждаются на основаніи

видуальныя нормы имѣютъ весьма большое значеніе. Онѣ проявляются въ нашей психикѣ обыкновенно по поводу конкретныхъ случаевъ и представляются чаще всего не выводомъ изъ родовыхъ юридическихъ убѣжденій, а самостоятельной нормою для даннаго именно случая. Для объясненія и иллюстраціи этого отношенія между позитивнымъ и интуитивнымъ правомъ укажемъ на уголовное правосудіе. Позитивное право, уголовные законы обыкновенно имѣютъ относительно опредѣленную диспозицію |санкцію по терминологіи криминалистовъ|, а именно указываютъ рамки, въ предѣлахъ которыхъ судья можетъ въ конкретныхъ случаяхъ назначать различныя наказанія. На примѣръ: "За отравленіе съ умысломъ чужого скота или иныхъ непринадлежащихъ виновному домашнихъ животныхъ, изобличенные въ семъ дѣяніи

общаго закона, такъ что для каждой индивидуальной компании не требуется особаго сепаратнаго закона, но въ начальныя эпохи развитія акціонернаго дѣла, акціонерныя компании утверждались и въ другихъ государствахъ сепаратными законами.

Точно также право авторовъ на исключительное пользование изданіемъ и продажей своихъ сочиненій | такъ называемое право литературной собственности | первоначально предоставлялось отдѣльнымъ авторамъ сепаратными законами.

Если содержаніе индивидуальной нормы состоитъ въ пре-

подвергаются:

заключенію въ тюрьму, на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ,

или аресту на время отъ трехъ дней до трехъ мѣсяцевъ.

или денежному взысканію не свыше 20 рублей.

Въ конкретныхъ случаяхъ интуитивное право подсказываетъ судѣ, что, напримѣръ, въ данномъ случаѣ виновный заслужилъ наказаніе тюрьмою и притомъ назначеніе четырехъ мѣсяцевъ тюрьмы не будетъ неправосудіемъ, а, напротивъ, вполне справедливо, или въ данномъ случаѣ виновный столь тяжелаго и позорнаго наказанія какъ тюрьма не заслужилъ, справедливо назначить ему кратковременный арестъ, напримѣръ, недѣлю ареста и т.д.

Относительное только опредѣленіе наказанія въ положительныхъ нормахъ открываетъ большой просторъ для примѣненія въ уголовныхъ судахъ индивидуальныхъ интуитивныхъ нормъ.

доставленіи кому либо извѣстнаго исключительнаго преимуществва, напр., права литературной собственности при отсутствіи общей нормы, предоставляющей это право каждому автору, свободы отъ платежа податей, права исключительнаго производства или продажи какого либо продукта | т.н. монопольнаго права | и т.п., то такая норма | а также и само предоставленое преимущество | называется привилегіей. Мы назовемъ это явленіе индивидуальной привилегіей въ отличіе отъ привилегіи иного рода, о которыхъ рѣчь идти будетъ ниже. Впрочемъ, подъ словомъ "privilegium" иногда понимаютъ не только исключительное преимущество, но и исключительную тягость и въ этомъ смыслѣ различаютъ privilegia lucrativa, pr. odiosa. Privilegia раздѣляются на privilegia personae, если исключительное положеніе создается для какого либо лица | напр., если какому либо должнику, напр. государственному банку сепаратной нормой дается moratorium т.е. дозволяется не платить въ теченіе извѣстнаго промежутка времени своихъ долговъ | Privilegia rei, если исключительное положеніе создается для какой либо вещи | напр. объявленіе какого либо имѣнія свободнымъ отъ поземельнаго налога; privilegia causa, если въ исключительное положеніе ставятся какія либо отношенія | напр. извѣстнымъ долгамъ, принадлежащимъ дворянскому банку или т.п., предоставляются особые льготныя условія платежа | Въ существѣ дѣла всѣ эти привилегіи Privilegia personarum только связь ихъ с personae различна. Въ случаѣ Privilegium personae пользуются преимуществомъ только опредѣленныя лица. Въ случаѣ privilegium rei имъ пользуются тѣ, которымъ принадлежитъ вещь,

т.е. съ переходомъ вещи къ другому лицу къ нему переходить и привилегія. Въ случаѣ *privilegium causae* преимуществвомъ пользуются тѣ лица, которыя вступаютъ въ данное отношеніе, напр. дѣлаются должниками по привилегированнымъ долгамъ.

Какъ индивидуальныя нормы вообще, такъ и индивидуальныя привилегіи въ частности иногда имѣютъ свое разумное основаніе и полезное значеніе, поскольку данныя отношенія не поддаются регулированію общею нормою и *leges in privos latae* издаются не въ интересахъ отдѣльныхъ индивидовъ а для общаго блага; но, поскольку есть возможность избѣгнуть регулированія отношенія индивидуальными нормами созданіемъ родовой нормы или въ частности предоставленія исключительныхъ преимуществъ |напр., привилегіи литературной собственности| предоставленіемъ соотвѣтственнаго права путемъ общей нормы цѣлому данному роду лицъ |напр., всѣмъ авторамъ|, то такое регулированіе слѣдуетъ предпочесть, ибо оно устраняетъ случаи нарушенія принципа равенства передъ закономъ, поводы для злоупотребленій, напр., подкуповъ, покровительства родственникамъ и знакомымъ съ одной стороны, для зависти и иныхъ неудовольствій, съ другой стороны.

--oOo--

§ 18. 5. Общія и сингулярныя, особенныя нормы. Родовыя привилегіи
| *ius commune, ius singulare* |

Родовыя нормы дѣлятся на общія и сингулярныя. Общія нормы относятся къ сингулярнымъ, какъ общія начала къ исклю-

ченіямъ. Напр., по общему правилу тотъ, кому принадлежитъ право собственности на какой либо предметъ, имѣетъ власть |какъ сказано въ статьѣ 420 гражд. зак. | "исключительно и независимо отъ лица посторонняго владѣть, пользоваться и распоряжаться онымъ вѣчно потомственно, доколѣ не передастъ сей власти другому." Сообразно съ этимъ ст. 425 еодеи опредѣляетъ, что собственнику принадлежатъ всѣ плоды, доходы, прибыли, приращенія, выгоды отъ предмета его собственности, а въ одной изъ дальнѣйшихъ статей |609| опредѣляется, что собственникъ можетъ потребовать отъ всякаго, незаконно владѣвшаго предметомъ его собственности, возвращенія этого предмета и вознагражденія за незаконное владѣніе.

Вотъ общіе и коренные принципы не только русскаго гражданского права, но и права |и экономического строя| всѣхъ современныхъ культурныхъ народовъ.

Но въ то же время всѣ современныя гражданскія права заключаютъ въ себѣ много болѣе частныхъ постановленій, которыя представляются исключеніями изъ этихъ общихъ принциповъ, аномаліями по отношенію къ нимъ, *ius singulare*. Сюда, напр., относятся постановленія о давности, въ силу которыхъ собственникъ можетъ лишиться своего права, хотя онъ "не передалъ своей власти другому", если другое лицо, хотя и не на законномъ основаніи, провладѣло его вещь въ теченіе извѣстнаго срока, по нашимъ законамъ въ теченіе 10 лѣтъ. Сюда, далѣе, относятся правила, по которымъ собственникъ лишается своего права, если его вещь кѣмъ либо приведена въ неразрывную связь съ чужимъ

имѣніемъ, напр., его саженцы посажены на чужой землѣ, его строевые матеріалы встроены въ чужой домъ | въ этихъ случаяхъ можетъ только возникнуть вопросъ о денежномъ вознагражденіи бывшаго собственника|. Сюда относятся правила о добросовѣстномъ | т. е. происходившемъ по извинительному заблужденію | владѣніи чужою вещью, въ силу которыхъ собственникъ лишается доходовъ, извлеченныхъ безправно, хотя и по извинительному недоразумѣнію, изъ его вещи | ст. 626 гр. зак. |, а также вознагражденія за поврежденіе его вещи и т. д.

Весьма общіе и существенные принципы современнаго гражданскаго строя выражены въ ст. 1536 гр. зак.: "Договоры должны быть исполняемы по точному онѣхъ разуму" и въ ст. 1530 по которой "договаривающимся сторонамъ оставляется на волю включать въ договоръ по обоюдному согласію и по ихъ усмотрѣнію всякія условія", напр., о срокѣ, объ обезпеченіяхъ, о платежѣ и т. п.

Но изъ этого *ius generale* есть не мало исключеній, и такимъ общимъ принципамъ противостоятъ не мало сингулярныхъ положеній. Такъ напр., срокъ личнаго найма по ст. 2214 "не можетъ простираться долѣе пяти лѣтъ" | изъятіе изъ принципа ст. 1530 |, договоръ займа не имѣетъ силы и не подлежитъ исполненію, если онъ произо-

-----
Дозволительное выраженіе "оставляется на волю" означаетъ здѣсь, что въ случаѣ включенія напр., условія о зустойкѣ, вѣритель пріобрѣтаетъ право на полученіе суммы зустойки, а должникъ обязанъ уплатить эту сумму и т. д.

шелъ для игры, или если онъ совершенъ для оформленія обязательства уплатить проигрышъ, сдѣланъ по игрѣ, или если онъ учиненъ во вредъ конкурса надъ несостоятельнымъ должникомъ учрежденнаго [ст. 2104] и т.д.

Дальнѣйшимъ важнымъ общимъ принципомъ гражданскаго права является свобода завѣщанія, т.е. возможность для каждаго распорядиться своимъ имуществомъ на случай смерти по своему усмотрѣнiю; этому общему принципу по нашимъ законамъ противостоятъ *ius singulare* родовыхъ имуществъ [недвижимостей, дошедшихъ до настоящаго владѣльца по праву законнаго наслѣдованія, и нѣкотор. другихъ], по которому свобода завѣщанія по отношенiю къ этимъ имуществамъ не существуетъ и т.п.

Изъ сингулярныхъ нормъ возможны въ свою очередь изъятiя. Напр., изъ общаго дѣйствiя давности можетъ быть изъять особый видъ предметовъ [ср. ст. 563 гр. зак.: "межи генеральнаго межеванiя не могутъ быть уничтожены давностью владѣнiя"].

Такiя изъятiя второй степени являются сингулярными нормами по отношенiю къ тѣмъ болѣе общимъ *regulae juris*, изъятiя изъ которыхъ они представляютъ; эти же болѣе общiя правила по отношенiю къ изъятiямъ второй степени являются *ius generale, ius commune*.

Отсюда видно, что понятiя *ius commune* и *ius singulare* относительны. Извѣстную норму мы можемъ разсматривать, какъ сингулярную по отношенiю къ какому либо общему принципу права, изъ котораго она составляетъ изъятiе, и какъ *ius commune* по отношенiю къ какому либо

изъятію изъ правилъ, е ю устанавлиаемаго.

Если сингулярная норма создаетъ для обнимаемаго ею круга лицъ какое либо преимущество, то такая сингулярная норма, а равно и преимущество, создаваемое ею, называется привилегіей | *privilegia, beneficia iuris* |; мы можемъ такія нормы назвать родовыми привилегіями въ отличіе отъ тѣхъ, разсмотрѣнныхъ выше привилегій, которыя основаны на индивидуальныхъ нормахъ права.

Примѣромъ родовой привилегіи можетъ служить положеніе, по которому противъ малолѣтнихъ, умалишенныхъ, глухонѣмыхъ не течетъ земская давность | прил. къ ст. 694 прим. гр. зак. |. Такъ какъ эта норма имѣетъ въ виду не конкретныхъ субъектовъ, а относится къ цѣлому роду лицъ, то привилегія, въ ней содержащаяся, не подходитъ подъ понятіе привилегіи въ смыслѣ индивидуальной нормы, а есть привилегія родовая.

И родовыя привилегіи дѣлятся на *privilegia personae, rei, causae*.

Примѣромъ *privilegium personae* можетъ служить только что приведенное положеніе, охраняющее малолѣтнихъ отъ потери вслѣдствіе давности.

Примѣромъ *privilegium rei* можетъ служить приведенное выше положеніе объ изъятіи межъ генеральнаго межеванія изъ дѣйствія давности.

Примѣромъ *privilegium causae* можетъ служить положеніе ст. 2113 гр. зак.:

"Сохраняныя росписки не подлежатъ дѣйствію десятилѣтней давности."

И во второмъ и третьемъ случаѣ привилегія относится къ лицамъ, но во второмъ случаѣ она переходитъ отъ одного лица къ другому вмѣстѣ съ кез , а въ третьемъ вмѣстѣ съ causa. Мое право на полученіе звѣренныхъ на храненіе денегъ или иныхъ вещей я могу передать другому, и тотъ воспользуется положеніемъ ст.2113, если взявшій на храненіе вздумаетъ сослаться на истеченіе давности.

§ 19. 6. Н о р м ы о б щ и я и м ѣ с т н ы я .

(*Jus universale - jus particulare*).

Позитивныя нормы имѣютъ обыкновенно опредѣленную территорію дѣйствія. При этомъ территорія однихъ нормъ можетъ составлять часть территоріи другихъ нормъ. Наприм., нѣкоторыя нормы могутъ относиться ко всей территоріи государства, другія же лишь къ отдѣльнымъ провинціямъ или инымъ частямъ государственной территоріи. Первыя нормы называются общими, вторыя мѣстными, партикулярными.

---oo0oo---

II. ПРАВО ВЪ СУБЪЕКТИВНОМЪ СМЫСЛѢ |ПРАВООТНОШЕНІЕ|.

§ 20. С у щ е с т в о п р а в о о т н о ш е н і я .

На ряду съ понятіемъ нормы права основнымъ и капитальнымъ, въ высшей степени важнымъ понятіемъ для общей науки о правѣ и спеціальныхъ юридическихъ наукъ признается понятіе правоотношенія.

Господствующее опредѣленіе понятія правоотношенія

гласить :

Правоотношеніе есть признанное объективнымъ правомъ житейское отношеніе | *Lebensverhältniss* |.

Вмѣсто выраженія "признанное" различные ученые, впрочемъ, часто употребляютъ другія выраженія, напр., "регулируемое", ^к определяемое объективнымъ правомъ житейское отношеніе, отношеніе, съ которымъ право связываетъ извѣстныя юридическія послѣдствія и т.п.

Этимъ различіямъ, впрочемъ, не приписывается принципиальнаго значенія, такъ что употребленіе одного вмѣсто другого не означаетъ разногласія относительно существа правоотношенія.

Тѣмъ не менѣе въ наукѣ существуетъ споръ относительно существа правоотношенія по другому поводу и въ иномъ направленіи.

Подъ тѣми отношеніями, которыя должны быть "признаны", "регулированы" | или т.п. | объективнымъ правомъ для того, чтобы быть возведенными въ рангъ юридическихъ отношеній, одни разумѣютъ исключительно отношеніе людей къ людямъ, другіе же отношенія людей къ другимъ людямъ и вещамъ.

Сторонникомъ перваго мнѣнія является, напр., Коркуновъ который по этому поводу въ частности замѣчаетъ, что "право", устанавливая разграниченіе людскихъ интересовъ, непременно предполагаетъ столкновеніе ихъ и, слѣдовательно, отношеніе къ людямъ | § 28 |.

Ср., напр. Коркуновъ § 27 : "юридическое отношеніе есть то же отношеніе житейское, бытовое отношеніе, только регулируемое юридической нормой".

Но такое суженіе понятія правоотношенія находятъ сравнительно мало сторонниковъ въ новѣйшей литературѣ. Большинство ученыхъ продолжаетъ придерживаться того взгляда, что право регулируетъ не только отношенія людей къ людямъ, но и отношеніе людей къ вещамъ.

"Посредствомъ своихъ свободныхъ дѣйствій или независимыхъ отъ своей воли событій, замѣчаетъ напр. Регельсбергеръ [Pandekten I § 13], человекъ вступаетъ въ отношеніе къ существамъ внѣшняго міра, къ людямъ и вещамъ. Для удовлетворенія своихъ тѣлесныхъ и духовныхъ потребностей пользуясь своими силами и способностями, онъ подчиняетъ себѣ вещи, обязывается по отношенію къ другимъ людямъ и обязываетъ ихъ по отношенію къ себѣ. Это относится какъ къ отдѣльнымъ людямъ, такъ и къ союзамъ ихъ. Регулированіе и защита возникающихъ отсюда людскихъ отношеній и составляетъ задачу права. Последнее, подчиняя житейскія отношенія своему господству, опредѣляя условія правового признанія ихъ и ихъ значеніе въ области права, возводитъ первоначально фактическое отношеніе въ правоотношеніе... Всякое правоотношеніе представляется, какъ разграниченная въ пользу одного по отношенію къ другому сфера интересовъ и правомочій. Поэтому всякое правоотношеніе содержитъ въ себѣ отношеніе управомоченнаго къ другимъ людямъ. Это даетъ поводъ видѣть въ правоотношеніяхъ исключительно регулированныя отношенія между лицами. Но это воззрѣніе не подходитъ къ тѣмъ отношеніямъ, которыя на первомъ мѣстѣ и главнымъ образомъ содержатъ отношеніе лица къ внѣшнему предмету и въ особенности къ

вещи. Правовое регулирование этих отношений не исчерпывается тѣмъ, что другимъ запрещено дѣлать, оно опредѣляетъ также отношеніе уполномоченнаго къ самому предмету, мѣру его правовой власти надъ нимъ. Поэтому совершенно справедливо видѣть здѣсь правовое регулирование отношенія лица къ безличной вещи."

Сообразно съ этимъ многіе опредѣляютъ правоотношенія какъ регулированныя правомъ отношенія лица къ другимъ лицамъ или къ вещамъ.

Если исходить изъ того положенія, что правоотношенія и являются бытовья, житейскія отношенія, поскольку они регулируются объективнымъ правомъ, то слѣдуетъ признать болѣе правильнымъ господствующее мнѣніе.

Несомнѣнно, есть такія житейскія отношенія, которыя являются исключительно отношеніями человека къ вещи, а не къ другимъ людямъ, и тѣмъ не менѣе эти отношенія регулируются правомъ, такъ что наступленіе ихъ влечетъ за собой возникновеніе правъ и обязанностей. Такъ напр. если на пустынномъ морскомъ берегу нашелъ раковину и спря-далъ ее себѣ въ карманъ или поймалъ рыбу въ откры-томъ морѣ, то возникло житейское отношеніе господства моего надъ вещью, нахожденіе вещи въ моемъ карманѣ или въ моей лодкѣ. Съ другими же людьми, которыхъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ я овладѣлъ предметомъ, вовсе не было, я, взявъ раковину или поймавъ рыбу, ни въ какое "бытовое"

Ср. Dernburg, Pandekten I § 40 sub. I : „ Unter einem Rechts-
verhältniss ist zu verstehen eine rechtliche wirksame Beziehung
einer Person zu anderen Personen oder zu Sachgütern."

или "житейское" отношеніе не вступилъ. Тѣмъ не менѣе объективное право содержитъ особня регулирующія постановленія на случай такого завладѣнія никому не принадлежащей вещи | *occupatio rei nullius* |, оно приписываетъ и^нѣ на такую вещь право собственности съ момента завладѣнія.

Но исходя изъ того положенія, что правоотношенія и являются бытовья, житейскія отношенія |регулируемыя правомъ| не слѣдуетъ. Юридическое отношеніе не есть житейское отношеніе между людьми или между людьми и вещами, къ которому лишь приводитъ правовая нормировка, а оно есть именно юридическое и только юридическое отношеніе, т.е. отношеніе, устанавливаемое юридической нормою, оно есть связь между двумя |или нѣсколькими| лицами, состоящая въ томъ, что обязанность одного лица закреплена съ своей положительной стороны за другимъ лицомъ |ср. выше § § 7, 8|, т.е. чисто юридическая связь, *res iuris*, а не связь иного рода, *res facti*, лишь подлежащая нормировкѣ со стороны *ius*.

Въ основѣ теоріи, видящей въ правоотношеніи отношеніе иного рода, нежели чисто правовое отношеніе, а именно "житейское отношеніе", |нормируемое правомъ| лежитъ представленіе, будто правовая нормировка, установленіе правъ и обязанностей предполагаетъ наличность особнхъ

к |
Поэтому въ приведенныхъ разсужденіяхъ Регельсбергера заключается ошибка, поскольку онъ во всякомъ правоотношеніи находитъ житейское отношеніе и къ другимъ людямъ.

жителейскихъ отношеній между тѣми лицами, которыя связываются другъ съ другомъ правами и обязанностями |или между лицомъ и вещью, на которую лицу дается право|. Правовая нормировка, права и обязанности, налагаются, какъ штемпель на уже существующій субстратъ, на жителейскія отношенія между данными лицами. Независимо отъ права данная лица состоятъ другъ съ другомъ въ извѣстномъ бытовомъ отношеніи, на этотъ фундаментъ кладется правовая связь и это *mixtum compositum rei facti* и *rei iuris* есть правоотношеніе. Но это представленіе ошибочно. Установленіе взаимныхъ правъ и юр. обязанностей между данными лицами вовсе не предполагаетъ необходимо наличности какихъ либо жителейскихъ отношеній между этими лицами. Напр.т. |testator| въ завѣщаніи возлагаетъ на то лицо, которое онъ назначаетъ своимъ наследникомъ, на лицо А, обязанность уплатить 1000 р. лицу Б. А и Б ни въ какихъ "жителейскихъ" отношеніяхъ другъ съ другомъ не состоятъ, не только лично другъ съ другомъ не встрѣчались и въ области интересовъ другъ съ другомъ не сталкивались, но даже А не знаетъ вовсе, что за океаномъ существуетъ такой то господинъ Б, а Б не подозрѣваетъ существованія А; между тѣмъ А, принявъ наследство послѣ смерти т, во-первыхъ попадаетъ въ особое юридическое отношеніе къ Б, хотя онъ, можетъ быть, еще не узналъ о распоряженіи т относительно платежа 1000 р. Б, а именно онъ дѣлается должникомъ Б, а Б его кредиторомъ, между ними возникло обязательственное правоотношеніе при отсутствіи какого бы то ни было иного |жителейскаго| отношенія между ними.

Никакой кривизны не сталъ бы въ подобномъ случаѣ справлять-
ся, существовали или существуютъ ли какія бытовныя отно-
шенія между А и Б, а всякій при наличности дѣйствитель-
наго [правильнаго] завѣщанія Т признаетъ возникновеніе
обязательственной связи, обязательственнаго правоотно-
шенія между наследникомъ А и лицомъ Б. Дѣйствительно,
обыкновенно обязательственныя и иныя правоотношенія пред-
полагаютъ извѣстныя житейскія отношенія и соприкоснове-
нія тѣхъ лицъ, между которыми возникаютъ права и обязан-
ности. Такъ напр., обязательства изъ договоровъ предпо-
лагаютъ, что данныя лица разговаривали или переписыва-
лись другъ съ другомъ, можетъ быть, выѣстъ ходили къ но-
тариусу, вообще заключили договоръ. Юридическая обязан-
ность возмѣстить другому причиненный вредъ предполагаетъ
"житейское столкновеніе", нанесеніе однимъ лицомъ вреда
другому лицу. Взаимныя права и обязанности между супру-
гами предполагаютъ до своего возникновенія заключеніе
брака, совмѣстное участіе въ обрядѣ заключенія брака и
т.п. Но, какъ показываетъ приведенный выше примѣръ обя-
зательственной связи между двумя лицами, установленной
завѣщаніемъ третьяго лица, наличности житейскихъ связей
и отношеній между даннь и лицами можетъ и не быть, а
юридическая связь тѣмъ не менѣе возникаетъ и существу-
етъ. Между прочимъ, изъ исторіи права мы знаемъ не ма-
ло примѣровъ и возникновенія супружескихъ правъ и обя-
занностей между двумя лицами разнаго пола, не находивших-
ся другъ съ другомъ до или во время или даже послѣ воз-
никновенія этихъ взаимныхъ правъ и обязанностей ни въ

какихъ житейскихъ отношеніяхъ. Теперешній бракъ, правда, предполагаетъ взаимное знакомство, согласіе брачущихся и т.п. Но исторія брачнаго права знаетъ и такое время, когда браки заключались безъ согласія и даже безъ вѣдома брачущихся, напр., посредствомъ договора между домо-владѣльцами сопрягаемыхъ, такъ что мужъ и жена лишь впоследствии, послѣ возникновенія брачныхъ правъ и обязанностей узнавали, что они супруги, познакомились другъ съ другомъ и вступали |или не вступали| въ "житейскія" отношенія.

Но даже въ томъ случаѣ, если бы отвергнутое нами представленіе, будто юридическая связь предполагаетъ связь иного "бытового" характера, какъ необходимый субстратъ, было правильно, все таки необходимо было бы установить понятіе правоотношенія, какъ чистой *res iuris*, какъ юридической связи независимо отъ ея житейской подкладки, ибо наука права въ такомъ понятіи нуждается и безъ него обойтись не можетъ. Эта потребность въ понятіи правоотношенія какъ юр. связи и въ терминѣ, который бы выражалъ это понятіе, ведетъ, между прочимъ, къ тому и выражается въ томъ, что юристы нерѣдко пользуются понятіемъ и выраженіемъ "правоотношеніе" въ смыслѣ связи, состоящей изъ правъ и обязанности, и притомъ такъ поступаютъ и тѣ, которые въ другомъ или томъ же своемъ сочиненіи устанавливаютъ и развиваютъ теорію правоотношенія, какъ бытового отношенія, регулируемаго правомъ. Отсюда возникаетъ множество противорѣчій, болѣе или менѣе скрытыхъ или

и |
даже явныхъ.

Нерѣдко въ литературѣ замѣчается, съ одной стороны, правильное инстинктивное отношеніе къ понятію правоотношенія, невольное подчиненіе правильной идеѣ, съ другой же стороны, установленіе противоположной неправильной теоретической definitio понятія. Последнее въ свою очередь вызывается и поддерживается стремленіемъ выразит

и |
Напр., проф. Коркуновъ въ § 22 своихъ лекцій |стр. 119 въ 4-мъ изданіи| замѣчаетъ: "Отношеніе, слагающееся изъ права и обязанности и есть юридическое отношеніе". Это замѣчаніе противорѣчитъ тому, что говорится въ § 27, ex professo трактующему о юр. отношеніяхъ : "юр. отношеніе есть то же житейское, бытовое отношеніе, только регулируемое юридической нормой". |Далѣе слѣдуетъ опредѣленіе, классификація житейскихъ отношеній и т.д. |. Этому въ свою очередь противорѣчитъ то, что говорится въ слѣдующ. § 28 по вопросу объ отношеніяхъ къ вещамъ : "и собственникъ, и незаконный держатель вещи, пользуясь ею, руководится одинаково соответствующими техническими правилами и личными своими вкрасами. Различіе въ положеніи собственника и несобственника проявляется только въ ихъ отношеніи по поводу пользованія вещью къ другимъ лицамъ, проявляется именно въ томъ, имѣютъ ли они къ нимъ по поводу пользованія какія либо притязанія и какія именно. Такимъ образомъ юридическими могутъ быть не отношенія къ вещи, а только отношенія къ людямъ по поводу вещей". Здѣсь исходною точкою |большой посылкой| является

то само по себѣ вполнѣ правильное положеніе, что права и обязанности бывають обусловлены бытовыми явленіями и отношеніями, возникаютъ, измѣняются, прекращаются въ тѣсной связи съ бытовыми отношеніями и явленіями, и что наука нуждается въ такомъ терминѣ и понятіи, которое обнимало бы бытовья отношенія и явленія, вліяющія на возникновеніе, существованіе, измѣненіе etc. правъ и обязанностей.

Но при этомъ страннымъ образомъ упускается изъ виду одно для нашего вопроса существенное обстоятельство, а именно тотъ фактъ, что такое понятіе въ наукѣ уже существуетъ и въ частности признается и излагается и тѣми учеными, которые готорять о бытовыхъ отношеніяхъ при изложеніи понятія правоотношеній. Это понятіе есть понятіе юридическихъ фактовъ.

Болѣе подробнымъ изученіемъ юр. фактовъ мы займемся ниже, здѣсь же мы воспользуемся только такими положеніями

положеніе, что правоотношеніе состоитъ не въ "житейскихъ", а исключительно въ юр. явленіяхъ, въ правопритязаніяхъ. Та же ошибка и то же самопротиворѣчіе заключается въ приведенномъ выше разсужденіи Регельсбергера, хотя онъ пытается доказать противоположное положеніе, а именно существованіе правоотношеній къ вещамъ. Ибо онъ указываетъ для этой цѣли не на житейскую связь, а на юридическую, на то, что человекъ имѣетъ непосредственно право на вещь. Этимъ онъ попадаетъ въ противорѣчіе съ установленнымъ въ томъ же § опредѣленіемъ правоотношенія, какъ эсособаго рода житейскаго отношенія.

ями о юр. фактахъ, которыя необходимы для критики господствующей теоріи правоотношеній.

Понятіе юридическихъ фактовъ Коркуновъ |въ § 33 "юридическіе факты"| опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ :

"Юридическое отношеніе необходимо предполагаетъ составляющія его права и обязанности, а они являются результатомъ примѣненія юр. нормъ. Мы знаемъ съ другой стороны, что примѣненіе юр. нормъ обусловлено наличностью извѣстныхъ фактовъ, опредѣленныхъ въ ихъ гипотезѣ. ^н | Поэтому и жизнь юр. отношеній обуславливается чередованіемъ такихъ фактовъ, служащихъ фактическимъ предположеніемъ примѣненія юр. нормъ. Факты, обуславливающіе примѣненіе юр. нормъ, называются также юридическими фактами." Регельсбергеръ даетъ такое опредѣленіе |§ 118| :

"Юридическія отношенія лицъ къ существамъ внѣшняго міра, правоотношенія, основываются, прекращаются и измѣняются такими фактами, которымъ позитивное право присвоиваетъ такое дѣйствіе. Такіе факты называются юридическими, юридически важными фактами."

Сравнивая такое |общепризнанное| опредѣленіе существа юридическихъ фактовъ съ критикуемымъ нами опредѣленіемъ правоотношеній, нельзя не замѣтить, что эти опредѣленія не дають критерія для того, чтобы отличить юр. факты отъ правоотношеній. Напротивъ, одни и тѣ же явленія подходятъ какъ подъ обычное понятіе правоотношенія, такъ и

и | Проф. Коркуновъ всѣ нормы права считаетъ "условными велѣніями", гипотетическими нормами

подъ общепринятое понятіе юр. факта.

Этотъ существенный изъянъ въ традиціонной системѣ основныхъ юридическихъ понятій ускальзывалъ до сихъ поръ отъ вниманія науки лишь потому, что по своему словесному выраженію, по своей традиціонной редакціи опредѣленія юр. отношеній кажутся непохожими на опредѣленія юр. фактовъ. Во первыхъ, выраженіе "бытовое, житейское отношеніе, выражаетъ, повидимому, нѣчто длительное, продолжающееся состояніе, слово же "фактъ" выражаетъ, повидимому, нѣчто мгновенное, событіе не длительного характера. Уже въ этомъ повидимому, заключается существенное различіе между "бытовыми отношеніями, регулируемымъ правомъ" [правоотношеніями] и фактами, обуславливающими дѣйствіе юр. нормъ, возникновеніе правъ и обязанностей [юр. фактами.]

Но на самомъ дѣлѣ такого различія не существуетъ и, поскольку обычныя формулы вызываютъ представленіе такого различія, онѣ вызываютъ ложное представленіе.

Несомнѣнно, къ юридическимъ фактамъ относятся и длительныя, подчасъ даже и весьма продолжительныя состоянія, напримѣръ, существеннымъ юридическимъ фактомъ въ бракѣ *usu* по древнему римскому праву было непрерывное брачное сожителство мужчины и женщины въ теченіе года (*Usu in manum /mariti/ conveniebat quae anno continno nupta perseverabat Suci I.III*).

Владѣніе вещью въ теченіе 10 лѣтъ или оставленіе должника въ покоѣ въ теченіе того же срока является весьма важнымъ юридическимъ фактомъ по нашимъ гражданскимъ законамъ, ибо оно ведетъ къ измѣненію правоотношеній, къ

приобрѣтенію права собственности на вещь, къ прекращенію долга. Незапамятная давность | *vetustas* | или столѣтняя, извѣстная нѣкоторымъ гражд. правамъ, еще нагляднѣе показываетъ неправильность представленія, будто понятія "юридическій фактъ" и "бытовое отношеніе" отличаются съ точки зрѣнія длительности.

Далѣе, обычныя опредѣленія юридическихъ фактовъ и юридическихъ отношеній вызываютъ или могутъ вызвать то представленіе, будто юридическій фактъ въ отличіе отъ "ж и т е й с к а г о о т н о ш е н і я лица къ лицу | или лица къ вещи |" является какимъ то постороннимъ третьимъ событіемъ, отличнымъ отъ бытовой связи, отъ отношенія между лицами или между человекомъ и вещью.

Но на самомъ дѣлѣ такого различія не существуетъ и поскольку обычныя формулы вызываютъ представленіе такого различія, онѣ вызываютъ ложное представленіе.

Приведенные выше примѣры юридическихъ фактовъ показываютъ, что юридическіе факты могутъ состоять именно въ особыхъ отношеніяхъ лица къ лицу | брачное сожителство въ теченіе года, взиманіе съ извѣстнаго селенія оброка или подати съ незапамятнаго времени, продолжительное оставленіе въ покоѣ неисправнаго должника и т.п. | или лица къ вещи | давностное владѣніе вещью |.

Но, можетъ быть, господствующая теорія содержитъ критерій для различенія правоотношеній и юридическихъ фактовъ въ томъ смыслѣ, что въ опредѣленіи юридическихъ отношеній говорится о "регулированіи" бытовыхъ отноше-

ній, а въ опредѣленіяхъ юридическихъ фактовъ говорится, что юридическіе факты суть "условія примѣненія юридическихъ нормъ", т.е. возникновенія правъ и обязанностей, что они "производятъ" правоотношенія и т.п.

И здѣсь слѣдуетъ повторить, что поскольку эти различныя выраженія вызываютъ представленіе различія по существу, то они вызываютъ ложное представленіе.

Выраженіе "право регулируетъ бытовія отношенія" можетъ, пожалуй, вызвать представленіе, будто право можетъ что то непосредственно дѣлать съ "бытовіями отношеніями", оно какой то сильный и вездѣсущій субъектъ, который на улицѣ, въ семейныхъ домахъ и т.п. заводитъ какіе то порядки, разбираетъ дерущихся, ловить и наказываетъ преступниковъ и т.п. то же ложное представленіе, которое связано съ разными формулами теорій принужденія, напирѣмъ, изреченіемъ, что право состоитъ изъ нормъ и принужденія, что юридическія нормы обладаютъ силою принужденія и исполненія, съ теоріей, видящей въ правѣ "защиту интересовъ" и т.п.

Отношеніе объективнаго права къ бытовымъ явленіямъ, житейскимъ фактамъ и отношеніямъ состоитъ въ томъ и только въ томъ, что оно устанавливаетъ права и обязанности въ этомъ и состоитъ "регулированіе житейскихъ отношеній". Поэтому выраженіе "житейское отношеніе регулируемое правомъ" не можетъ означать ничего иного, какъ такое житейское явленіе, съ которымъ объективное право связываетъ права и обязанности, т.е. оно означаетъ то же, что и понятіе юридическаго факта, какъ

- 47 -

такого факта, который "обуславливает" возникновение правъ и обязанностей, примѣненіе юридическихъ нормъ, "порождаетъ на основаніи объективнаго права права и обязанности" и т.п. Поэтому, напримѣръ, usus, брачное сожителство въ теченіе года, давностное владѣніе вещью и т.п. мы можемъ назвать *ad libitum* "бытовымъ отношеніемъ, регулируемымъ правомъ" или же "фактомъ, съ которымъ право связываетъ юридическія послѣдствія" или "фактомъ, производящимъ права и обязанности."

Изъ вышеозначеннаго вытекаетъ по адресу господствующей теоріи упрекъ въ смѣшеніи понятій, въ неудачномъ покушеніи на разграниченіе понятія правоотношенія, съ одной стороны, юридическаго факта - съ другой.

Но, далѣе, такъ какъ господствующая теорія это неудачное покушеніе | вслѣдствіе туманности формулы: житейское отношеніе, регулируемое правомъ | считаетъ совершеннымъ установленіемъ различія, тождественныя понятія считаетъ различными и оперируетъ ими какъ различными, то отсюда возникаютъ дальнѣйшіе уродливые съ логической точки зрѣнія продукты, нарушенія основнаго логическаго закона - закона тожества и т.д.

Такая логическая аномалія въ частности коренится въ господствующемъ опредѣленіи понятія юридическихъ фактовъ и отношенія юридическихъ фактовъ къ правоотношеніямъ.

По господствующему воззрѣнію, существо юридическихъ фактовъ состоитъ въ томъ, что они обуславливаютъ возникновеніе и существованіе юридическихъ отношеній, что они "производятъ", "вызываютъ" юридическія отношенія и т.п.

Юридическій фактъ является логическимъ *præsumptio* для правоотношенія, онъ долженъ появиться, быть на лицо для того, чтобы возникло правоотношеніе. Но въ этомъ заключается логическій *non sensus*. Появленіе А предполагаетъ наличность А; А должно существовать раньше своего возникновенія; для производства А необходимо, чтобы существовало А, которое и производитъ А.

Такое нелѣпое содержаніе заключается въ формулѣ "правоотношеніе предполагаетъ наличность юридическаго факта" | или "юридическій фактъ производитъ, обуславливаетъ правоотношеніе" | вслѣдствіе того, что правоотношеніе, по господствующей теоріи, въ существѣ дѣла и есть юридическій фактъ, такъ что выходитъ, что оно для своего возникновенія, какъ условіе, предполагаетъ свое существованіе, должно возникнуть раньше своего возникновенія.

Напримѣръ, *usus*, брачное сожителство въ теченіе года, несомнѣнно есть | по древнему римскому праву | житейское отношеніе, регулированное правомъ, т.е. съ господствующей точки зрѣнія - правоотношеніе. Но *usus* также несомнѣнно есть юридическій фактъ, и выходитъ, что *usus* долженъ быть на лицо раньше *usus*, какъ условіе для собственнаго появленія.

Единственнымъ средствомъ спасенія отъ всей этой логической путаницы, является признаніе правоотношенія чисто юридическимъ явленіемъ, *res iuris*. Тогда только можно сказать, что юридическіе факты производятъ правоотношенія, точнѣе: являются условіемъ возникновенія послѣднихъ. Напримѣръ, *usus* | юридическій фактъ | является

условієм *matris mariti* |правоотношенія| права власти мужа надъ женою - обязанности подчиненія жены мужу.

Приведенное выше опредѣленіе существа юридическихъ фактовъ Регельсбергера только въ томъ случаѣ не есть погрѣшн., если подъ правоотношеніемъ разумѣть не то, что онъ называлъ раньше правоотношеніемъ, не особый видъ "житейскихъ" отношеній, а исключительно *res iuris* въ отличіе отъ *res facti*.

Для устраненія абсурда необходимо допустить самопротиворѣчіе.

Въ приведенномъ выше опредѣленіи юридическихъ фактовъ Коркунова это уже сдѣлано: вмѣсто абсурда въ немъ допущено самопротиворѣчіе, а именно положеніе, что правоотношенія состоятъ изъ правъ и обязанностей |а не житейскихъ отношеній, регулированныхъ правомъ|.

Какъ увидимъ ниже, вышеизложенными замѣчаніями далеко не исчерпываются недостатки современнаго ученія о правоотношеніяхъ, но и сказаннаго выше болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы отвергнуть обычное опредѣленіе правоотношенія и оправдать то положеніе, что правоотношеніе есть не *res facti*, а исключительно *res iuris*.

-----ooOoo-----

Э л е м е н т ы п р а в о о т н о ш е н і я .

§ 21. П р е д в а р и т е л ь н о е з а м ѣ ч а н і е

Теорія права традиціонно различаетъ въ правоотношеніи слѣдующіе "элементы" или "составныя части": I. право|пра-

Листъ 4-й

Лекціи проф. Л.І. Петражицкаго.

вомочіе, притязаніе |, 2. юридическую обязанность, 3. Субъектовъ правоотношенія. 4. объектъ.

Такое разложеніе правоотношенія на составныя части не согласуется съ традиціоннымъ опредѣленіемъ правоотношеній какъ житейскихъ отношеній, нормируемыхъ правомъ; послѣдовательно господствующая теорія должна была бы находить въ правоотношеніяхъ не права и обязанности, а иные "бытовые", "житейскіе" элементы, напримѣръ, сосѣдскія отношенія, половыя связи, ссоры, драки, смертоубійства, хозяйственное сотрудничество, торговыя связи, житейскія отношенія ученика къ учителю, прислуги къ господамъ и т.п. - вообще она должна была бы имѣть въ виду безчисленное множество разныхъ бытовыхъ, житейскихъ отношеній, если только эти отношенія затрогиваются нормировкою права, и разлагать ихъ на всевозможныя составныя части |напримѣръ въ половой связи различать роль мужчины и роль женщины, въ отношеніи воспитателя къ воспитаннику *docere et discere*, нравственное воздѣйствіе и т.п. |, но только не на право и обязанности.

Напротивъ, традиціонная классификація элементовъ правоотношеній, повидимому, вполне соответствуетъ предложенной нами выше |§ 8| общей теоріи правоотношенія и его составныхъ элементовъ. Впрочемъ, только повидимому. Дѣло въ томъ, что подъ правомочіемъ, субъектомъ права, объектомъ... господствующая теорія разумѣетъ не то, что мы разумѣемъ подъ этими понятіями. Отношеніе между нашимъ опредѣленіемъ правомочія, предложеннымъ выше опредѣленіемъ объекта и т.д. и соответственными ходячими воз-

зрѣніями и теоріями состоитъ въ томъ, что подъ правос-
мочіемъ, правомъ въ субъективномъ смыслѣ разныя теоріи
разумѣютъ различныя "житейскія явленія", разныя *res fac-*
ti, но только не *res iuris*, не права; ходячія теоріи
субъектовъ права подходятъ къ различнымъ *res facti*, но
только не къ субъектамъ права и т.д. Такимъ образомъ
мы въ смыслѣ порицанія дѣйствительно можемъ признать,
что обычныя теоріи разныхъ составныхъ элементовъ пра-
воотношенія согласуются съ воззрѣніемъ на правоотноше-
ніе какъ на "житейское отношеніе", ибо до познанія пра-
воотношенія, правъ, правовыхъ обязанностей, субъектовъ,
объектовъ права, какъ *res iuris*, какъ спеціально юриди-
ческихъ явленій и юридическихъ понятій современная тео-
рія права еще не дошла, еще не возвысилась до той ступе-
ни абстракціи, чтобы въ своихъ основныхъ понятіяхъ эли-
минировать, абстрагировать посторонніе элементы, отбро-
сить разныя житейскія, но не юридическія примѣсы и поз-
нать эти понятія въ ихъ [отвлеченной] чистотѣ, какъ юри-
дическія понятія.

Какъ это отрицательное положеніе, такъ и предложен-
ную выше положительную теорію мы постараемся подтвердить
разсмотрѣніемъ важнѣйшихъ теорій отдѣльныхъ составныхъ
элементовъ правоотношенія.

§ 22. I. П р а в о, и л и п р и т я з а н і е, п р а в о м о ч і е и п р а в о в а я о б я з а н н о с т ь.

Вопросъ о существѣ права въ субъективномъ смыслѣ, какъ правомочія, правопритязанія, признается на ряду съ вопросомъ о существѣ права въ объективномъ смыслѣ, интереснѣйшею и труднѣйшею проблемою общаго ученія о правѣ, породилъ обширную и остроумную литературу, но до сихъ поръ является спорнымъ вопросомъ и нерѣшенной проблемою.

Существуютъ двѣ теоріи, какъ главныя основныя воззрѣнія: теорія воли и теорія интересовъ и всевозможныя ихъ комбинаціи и варіаціи.

I. Теорія воли пользовалась рѣшительнымъ господствомъ и признаніемъ еще въ первой половинѣ нашего вѣка, находитъ и теперь многихъ авторитетныхъ сторонниковъ, но въ послѣднее время все болѣе и болѣе вытѣсняется, какъ "формалистическая" теорія новою, болѣе "практичною" теоріей, исходящей изъ понятія интереса [ср. выше § 14].

Формулы теоріи воли разнообразны: право есть установленное объективнымъ правомъ господство воли /Willensmacht/ право есть господство воли надъ извѣстнымъ предметомъ; право есть дозволенная воля, дозволенность воли, дозволеніе хотѣть и дѣйствовать, частная воля, признанная общею волею [правомъ въ объективномъ смыслѣ], воля либеральная, возведенная въ общую волю, извѣстное содержаніе воли, о которомъ правопорядокъ въ конкретномъ случаѣ указываетъ, что оно должно быть осуществлено, проведено въ отношенію къ всякой другой волѣ и т.п.

Примѣры для разъясненія основной мысли этихъ по оуществу сходныхъ опредѣленій:

Воля собственника, на основаніи объективнаго права, с редѣляющаго право собственности, имѣетъ рѣшающее значеніе, господствуетъ надъ вещью; собственникъ можетъ совершать разные волевые акты |дѣйствіе - проявленіе воли по отношенію къ вещи, пользоваться ею, уничтожить ее, сжечь и т.д. Его воля должны подчиняться другіе; онъ можетъ запретить другимъ пользованіе и инныя воздѣйствія на вещь. Воля кредитора получить платежъ имѣетъ рѣшающее значеніе для должника, который долженъ подчинить свою волю воля кредитора; послѣдній также можетъ простить долгъ, уступить другому свое право требованія и т.д.

2. Противъ волевой теоріи выступилъ Герингъ. Возраженія его состоятъ въ слѣдующемъ: /Seist d.r.R.III § § 60,

а. "Воля не есть цѣль и движущая сила правъ; понятіе воли и власти не въ состояніи доставить намъ практическое пониманіе правъ." Съ точки зрѣнія волевой теоріи, право является "ареной для движеній и упражненія воли, воля есть органъ, путемъ котораго человекъ пользуется своимъ правомъ, пользованіе правомъ состоитъ въ томъ, что онъ ощущаетъ радость и прелесть власти, ощущаетъ удовлетвореніе въ томъ, что онъ совершаетъ актъ воли, напримѣръ уступаетъ другому свое обязательственное право, закладываетъ свою вещь и этимъ показываетъ, что онъ субъектъ воли".

Но, помѣщая право въ возвышенной сферѣ воли, эта тео-

рія игнорируетъ болѣе настоятельные и реальныя интересы и реальное значеніе права. Не ради формальнаго господства воли, и удовольствія совершать волевые акты даются людямъ права, а ради осуществленія и защиты ихъ реальныхъ интересовъ."

б. "Если бы воля была цѣлью права, то какой смысл имѣли бы права въ рукахъ лицъ, лишенныхъ воли [дѣтей, умалишенныхъ]^в. Они бы вовсе не могли достигнуть своей цѣли - очки для слѣпыхъ. Если бы правоспособность совпала съ волеспособностью, то какъ съ этимъ согласовать тотъ фактъ, что всѣ извѣстныя права не только признають и защищаютъ тѣлесную невредимость и жизнь дѣтей и сумасшедшихъ, но и признають за ними съ незначительными измѣненіями ту же сферу способности къ имущественнымъ правамъ, какъ и за способными къ волевымъ актамъ субъектами. Отвѣтъ, будто законъ признаетъ въ нихъ будущую волеспособность, защищаетъ зародышъ воли, представляетъ жалкій изворотъ. Не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, гдѣ такое предположеніе свелось бы просто къ фикціи, какъ на примѣръ, въ случаѣ кретинизма и неизлѣчимаго умопомѣшательства,

-----
^в Позитивныя права не приписываютъ волевымъ актамъ, дѣйствіямъ [на примѣръ договорамъ малолѣтнихъ и душевно-больныхъ] того юрид. значенія, которое оно приписываетъ такимъ же дѣйствіямъ совершеннолѣтнихъ и нормальныхъ людей, напр. договоры малолѣтнихъ признаются недѣйствительными. Поэтому юристы называютъ подчасъ такихъ лицъ "лишенными воли" выраженіе не особенно удачное.

приведенное соображеніе о будущем наступленіи волеис-
способности оправдывало бы развѣ только защиту личности,
какъ таковой, но не приобрѣтеніе конкретныхъ имуществен-
ныхъ правъ, напр., наследства. Самое большее, можно бы-
ло бы допустить отсрочку приобрѣтенія до появленія воле-
испособности." Дѣло объясняется просто съ точки зрѣнія
реальныхъ потребностей и интересовъ." Тѣ потребности,
которыя неразрывно связаны съ животною природою человѣ-
ка, и удовлетвореніе которыхъ въ обзпеченной формѣ пра-
ва составляетъ одну изъ первѣйшихъ цѣлей тѣхъ субъективныхъ
правъ, эти потребности свойственны дѣтямъ и сумасшед-
шимъ не въ меньшей степени, какъ и всѣмъ другимъ лицамъ,
и, тамъ какъ они сами не въ состояніи заботиться объ ихъ
удовлетвореніи, то тѣмъ болѣе къ этому обязано государ-
ство. Тѣ абстрактные субъекты права [вслевой теоріи],
существованіе коихъ начинается лишь съ момента наступ-
ленія волеиспособности, положимъ, такъ удачно устроены,
что они не обладаютъ желудкомъ - органомъ, черезъ по-
средство котораго живые люди прежде всего приходятъ въ
соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, но они и не суть
живые люди"... Съ точки зрѣнія волевой теоріи въ случаѣ
дѣтей и умалишенныхъ истиннымъ управомоченнымъ былъ бы
ихъ опекунъ, ибо онъ распоряжается имуществомъ, ему од-
ному достается то идеальное наслажденіе, которое по во-
левой теоріи составляетъ цѣль правъ: высокое наслажде-
ніе предпринимать волевые акты."

в. "Если конечная цѣль права заключается въ волѣ,
то всѣ договоры, не заключающіе въ себѣ ничего недозво-

ленного и безнравственного должны были бы имѣть обязательную силу. Стало быть, договоръ, который возлагаетъ какое либо ограниченіе на одно лицо безъ малѣйшей пользы для другого, напр., договоръ, чтобы кто нибудь не продавалъ своего участка, не брался бы за извѣстныя занятія, былъ бы вполне дѣйствительнымъ. То обстоятельство, что взявшій съ другого такое обѣщаніе не могъ бы указать ни малѣйшаго интереса для себя въ соблюденіи договора, не имѣлъ бы никакого значенія. Ибо къ чему такой интересъ? Цѣль права состоитъ вѣдь въ господствѣ воли, а господство надъ волей другого я осуществляю, если я имѣю право принудить его къ извѣстнымъ дѣйствіямъ и воздержаніямъ все равно имѣютъ ли эти дѣйствія и воздержанія какой либо интересъ для меня или нѣтъ - то духовное наслажденіе правомъ, которымъ довольствуется волевая теорія, радость по поводу власти, какъ таковой, удовольствіе проводить свою волю, въ обоихъ случаяхъ одинаково имѣетъ мѣсто." Такой "волевой формализмъ" былъ чуждъ римскому праву, которое договоры въ случаѣ отсутствія интереса, признавало ничтожными.

Вмѣсто понятія воли для построенія теоріи права въ субъективномъ смыслѣ слѣдуетъ исходить изъ понятія интереса." Субъективное право состоитъ изъ двухъ элементовъ, изъ элемента субстанціального, матеріальнаго, въ которомъ заключается практическая цѣль субъективнаго права, а именно пользы, выгоды, прибыли, которая должна быть обозначена правомъ, и изъ элемента формальнаго, который относится къ упомянутой цѣли какъ средство, а именно изъ правовой защиты иска. Первый есть ядро, второй охра-

няющая скорлупа. Первый самъ по себѣ является основаніемъ лишь фактическаго состоянія пользы, пользованія, фактическаго интереса *factisches Interesse*, которое всегда безъ дальнѣйшихъ послѣдствій можетъ быть прекращено всякимъ, кто это фактически можетъ сдѣлать. Этотъ характеръ случайности, непрочности этого состоянія прекращается лишь вслѣдствіе того, что законъ беретъ его подъ свою защиту; пользованіе или надежда на таковое вслѣдствіе этого дѣлаются обезпеченными, дѣлаются правомъ. Понятіе права основывается на юридической обезпеченности пользованія, права суть юридически защищенные интересы."

"Всякое право гражданскаго права существуетъ для того, чтобы доставлять человѣку извѣстную выгоду, чтобы удовлетворять его потребности, его интересы его цѣли... Эта цѣль относится ко всѣмъ правамъ, имѣемъ ли мы дѣло съ имущественными или личными правами, всѣ они должны мнѣ доставлять извѣстную услугу, извѣстную пользу, выгоду, какъ свобода, такъ и собственность, какъ бракъ, такъ и обязательственное право - "нѣтъ права безъ цѣли и пользы, благо и право не должны противопологаться другъ другу, они находятся въ необходимой связи другъ с другомъ (*Ahrens*)"... Какъ бы различны ни были въ отдѣльных случаяхъ права интересы, во всякомъ случаѣ каждое допущеніе *in thesi* право содержитъ выраженіе признаннаго законодателемъ съ точки зрѣнія его времени достойнымъ и нуждающимся въ защитѣ интересовъ."

"Второй моментъ права есть правовая защита - права суть защищаемыя правомъ интересы, право есть правовая

обезпеченность пользования."

Имѣя въ виду гражданскія права, авторъ далѣе добавля -
етъ еще то положеніе, что управомоченному самому ввѣрена
защита его интереса, что онъ въ этомъ отношеніи не зави-
ситъ отъ милости другого, а можетъ защищаться по собст-
венной инициативѣ, путемъ иска, т.е. обращенія къ граж-
данскому суду, обязанному доставить ему защиту его права.
Такимъ образомъ право можно опредѣлить "какъ самозащиту
интереса."

Такъ какъ послѣдній пунктъ относится только къ граждан-
скому праву [ср. ниже], то сторонники теоріи Геринга при
опредѣленіи права въ субъективномъ смыслѣ вообще его
устраиваютъ. Остается общее опредѣленіе права: право въ
субъективномъ смыслѣ есть защищенный юридически [защи-
щаемый объективнымъ правомъ] интересъ.

Что касается упрековъ Геринга по адресу волевой теоріи
и особенностей его теоріи интересовъ, то слѣдуетъ замѣ-
тить:

Поскольку нѣкоторые представители волевой теоріи имѣ-
ли въ виду выразить то положеніе, что цѣлью, задачей
субъективныхъ правъ является доставленіе волѣ и поведе-
нію людей извѣстной сферы господства и свободы, то они
конечно, имѣли въ виду не забаву упражненія воли или без-
смысленный произволь, а "разумную свободу"; подъ свобо-
дой, дозволенностью или господствомъ воли разумѣется,
конечно, не свобода дѣлать что угодно, напр. убивать,
грабить и т.п., а дозволенность или господство воли опре-
дѣленнаго содержанія, въ опредѣленныхъ разумныхъ предѣ-

дахъ, устанавливаемыхъ объективнымъ правомъ.

Поскольку односторонне выдвигалась идея свободы въ смыслѣ задачи и идеала права, то здѣсь упрекъ въ формализмъ [который традиціонно повторяется противъ теоріи воли и свободы] совершенно неумѣстенъ, а можно лишь говорить именно объ односторонности, объ одностороннемъ идеализмѣ, о томъ, что право должно служить осуществленію и иныхъ или иныхъ благъ, нежели свободы, что практичнѣе имѣть въ виду желудокъ и карманъ, нежели свободу и т.д. Какъ предпочтеніе художественнаго произведенія - симфоніи, прекраснаго вида и т.п. куску колбасы нельзя назвать формализмомъ, такъ нельзя признать удачнымъ упрекъ въ формализмъ противъ теоріи воли и свободы.

Но вообще разсужденія о томъ, какова задача и цѣль субъективныхъ правъ, не относятся къ теоретической темѣ опредѣленія понятія права въ субъективномъ смыслѣ правопритязанія.

Поскольку Герингъ существо волевыхъ теорій толкуетъ въ смыслѣ положенія: воля, наслажденіе актами воли или т.п. есть цѣль субъективныхъ правъ - онъ долженъ былъ бы отвергнуть эти теоріи просто указаніемъ, что вопросъ идетъ о существѣ правъ, какъ таковыхъ, а не о томъ, для какихъ цѣлей человѣческихъ права устанавливаются и т.п. Между тѣмъ онъ споритъ противъ приписанныхъ имъ противникамъ взглядовъ на цѣль правъ и на этой же методологически ошибочной почвѣ строить свою теорію. При этомъ, развивая свою теорію съ точки зрѣнія "цѣли" субъективныхъ правъ, онъ не различаетъ ясно, въ какомъ смыслѣ выступаетъ понятіе "цѣли" въ его

теоріи. Рѣчь идетъ то о воззрѣніяхъ и цѣляхъ историческихъ законодателей, то о задачахъ, которымъ субъективныя права должны удовлетворять, то о практическомъ результатѣ существованія субъективныхъ правъ. Что этихъ точекъ зрѣнія не слѣдуетъ смѣшивать и что всѣ онѣ должны быть отвергнуты въ области теоретическаго опредѣленія правовыхъ явленій, видно уже изъ соображеній, высказанныхъ выше по поводу опредѣленія права въ объективномъ смыслѣ |§ 13|.

Но формулы опредѣленія права въ субъективномъ смыслѣ съ точки зрѣнія воли обыкновенно являются не выраженіемъ только воззрѣнія ихъ авторовъ на цѣль правъ, а тѣмъ менѣе тѣхъ страшныхъ воззрѣній, о которыхъ говоритъ Герингъ, а дѣйствительными |хотя и неудачными, какъ увидимъ ниже| опредѣленіями существа субъективныхъ правъ, какъ таковыхъ.

 и |
 Но недѣзя не отмѣтить, что соотвѣтственныя разсужденія Геринга вводятъ въ его теорію явное противорѣчіе. Понятія польованіе, выгода, интересъ, которыя онъ promissioe употребляетъ, выставляются у него то какъ "субстанція", "ядро правъ |напр., въ опредѣленіи: права суть защищаемые правомъ интересы|, то какъ цѣль правъ или даже играютъ въ дономъ и томъ же положеніи обѣ роли: роль цѣли и роль составного элемента самихъ правъ |напр., въ замѣчаніи: право въ субъективномъ смыслѣ состоитъ изъ двухъ элементовъ, изъ элемента субстанціального, въ которомъ заключается практическая цѣль субъективнаго права, а именно пользы, выгоды и т.д. | Но цѣлью чего'нибудь, цѣлью "а" можетъ быть лишь нѣчто будущее по отношенію къ "а", нѣчто не существу-

Представители волевой теории |независимо от их воз-
зрѣній на цѣли права и правъ въ субъективномъ смыслѣ|са-
мо правомочіе |а не цѣль его, пользу и т.д.| опредѣляютъ,
какъ частную волю, которая совпадаетъ съ общей волей |со-
отвѣтствуетъ нормамъ объективнаго права|, какъ господство
воли и т.п., такъ что ни отрицательныя и ироническія за-
мѣчанія Геринга о волѣ, какъ цѣли права, ни положительная
его теорія объ интересѣ, какъ цѣли права, никакого значе-
нія для критики волевой теории субъективнаго права не
имѣютъ, и ея не опровергаютъ.

Съ другой стороны и теорія интересовъ сохраняетъ свое
значеніе теории существа правомочія, поскольку мы отбро-
симъ, какъ негодный матеріалъ, рассужденія Геринга о цѣляхъ

и |
щее, а лишь подлежащее достиженію, такъ что одно и то
же у Геринга является тождичнымъ въ правѣ |какъ его
составная часть или матеріальное ядро|, то лишь будущимъ
по отношенію къ праву, какъ средству для достиженія
этого будущаго. Неясности и путаница понятій возникаютъ
также вслѣдствіе того, что столь различныя понятія, какъ
интересъ, пользованіе, благо и т.п. у него смѣшиваются
и употребляются одно вмѣсто другого |ср. напр., замѣча-
ніе: "первый, т.е. субстанціальный моментъ права, явля-
ется основаніемъ лишь фактическаго состоянія пользы, поль-
зованія - фактическаго интереса, - которое всегда безъ даль-
нѣйшихъ послѣдствій можетъ быть прекращено всякимъ"... |
Но дѣйствіе или состояніе пользованія и интересъ |фак-
тическій интересъ"| совершенно различныя понятія.

практическомъ значеніи etc. правомочій, и остановимся на формулѣ: права суть защищаемые объективнымъ правомъ интересы, какъ на опредѣленіе правомочій, самихъ по себѣ. Правомочіе само по себѣ | а не цѣль его | есть интересъ, интересъ особаго рода, а именно защищаемый объективнымъ правомъ.

Но и въ такомъ, освобожденномъ отъ чуждыхъ проблемъ и затемняющихъ вопросъ соображеній, видѣ какъ теорія воли, такъ и теорія интересовъ должны быть отвергнуты и притомъ по общимъ для обѣихъ соображеніямъ: обѣ онѣ содержатъ въ себѣ смѣшеніе *res iuris* съ *res facti*, вмѣсто опредѣленія существа правомочія, какъ своеобразной *res iuris* онѣ указываютъ на *res facti* - волю или интересъ того лица, которому принадлежитъ право.

Что какъ воля, такъ и интересъ суть чуждыя, постороннія для существа права въ субъективномъ смыслѣ явленія, не трудно каждому юристу убѣдиться, предложивъ себѣ напр., такіе вопросы:

а. Прекращаются ли права, напр., право собственности, права дѣтей по отношенію къ родителямъ, мужа по отношенію къ женѣ и обратно и т.п. вслѣдствіе того, что на сторонѣ управомоченнаго прекращается интересъ, заинтересованность въ правѣ или воля пользоваться соответственнымъ правомъ или даже появляется интересъ, направленный на прекращеніе этихъ правъ, появляется желаніе, можетъ быть, напряженная воля прекратить существованіе этихъ правъ? Всякій юристъ, не задумываясь, отвѣтитъ отрицательно. Есть такія права, которыми субъектъ ихъ вообще не можетъ распоряжаться, такъ что и прекратить ихъ онъ не можетъ при всемъ своемъ жела-

ни и заинтересованности въ прекращеніи. Отъ другихъ правъ можно освободиться лишь при извѣстныхъ исключительныхъ условіяхъ, напр., отъ правъ мужа или жены можно освободиться лишь при наличности особыхъ основаній для развода: при отсутствіи этихъ основаній никакой интересъ въ прекращеніи этихъ правъ, никакія старанія и хлопоты не помогутъ. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда заинтересованный въ прекращеніи своего права субъектъ можетъ свободно имъ распоряжаться, для прекращенія права обыкновенно требуется совершеніе разныхъ дѣйствій, подчасъ соблюденіе сложныхъ и тягостныхъ формальностей, |составленіе письменнаго акта, внесеніе прекращенія права въ поземельныя, ипотечныя книги и т.п. |. Однимъ словомъ, несомнѣнно, что наши права могутъ продолжаться и нерѣдко продолжаютъ вопреки нашей волѣ и нашимъ интересамъ, а во всякомъ случаѣ при отсутствіи съ нашей стороны соответствующаго содержанію права интереса или направленія воли.

в. Является ли необходимымъ условіемъ для пріобрѣтенія права интересъ пріобрѣтающаго въ томъ, чтобы сдѣлаться управомоченнымъ, или воля пріобрѣсть данныя правомочія? Отнюдь нѣтъ. Есть масса случаевъ, обширныя категоріи способовъ пріобрѣтенія правъ, которые по природѣ своей воплощаютъ и наглядно доказываютъ возможность пріобрѣтенія права не только безъ соответственной воли и интереса, но даже вопреки имъ. Сюда, напр., относятся тѣ случаи пріобрѣтенія правъ, которые состоятъ въ возникновеніи извѣстнаго права для насъ вслѣдствіе дѣйствія силъ природы, не спрашивающей о нашей волѣ и интересѣ. Напр., собственникъ

земли приобретаетъ право собственности на разные продукты почвы, въ томъ числѣ и на такіе, появленіе коихъ для него весьма неинтересно и нежелательно, напр., вредныя для полезныхъ растеній или скота, или опасныя для людей растенія, ядовитые грибы и ягоды, паразитныя растенія, сорныя травы, плевелы; ему принадлежитъ право собственности на буреломъ, гніющій валежникъ, хворостъ, хотя бы онъ не только не былъ заинтересованъ въ наличности этихъ предметовъ, но даже желалъ бы ихъ скорѣйшаго исчезновенія. По тѣмъ правамъ, которыя признаютъ право собственности на дичь, находящуюся на участкѣ, собственникъ земли приобретаетъ право собственности на зайцевъ и другихъ дикихъ животныхъ, прибѣжавшихъ въ его лѣсъ или садъ, хотя это, можетъ быть, весьма нежелательныя для него предметы собственности. Происходящія вслѣдствіе дѣйствія вулканическихъ или нептуническихъ силъ приращенія къ участку [появленіе острова, увеличеніе участка вслѣдствіе примоя земляныхъ частицъ и т.п., приобрѣтеніе права собственности вслѣдствіе *avulsio, alluvio, insula nata etc.*] дѣлаются предметомъ собственности хозяина участка, хотя, можетъ быть, такое приобрѣтеніе права собственности для него вовсе нежелательно [напр. вслѣдствіе податныхъ соображеній] и т.д. Есть, далѣе, цѣлая категорія случаевъ приобрѣтенія правъ вслѣдствіе событій, происшедшихъ въ лицѣ другихъ людей, независимо не только отъ желаній и интересовъ приобретающаго, но и отъ воли, желанія этихъ другихъ лицъ. Сюда, напр., относится приобрѣтеніе наследственныхъ правъ или правъ на обезпеченіе, пенсію, страховую сумму и т.д. вслѣдствіе

- 63 -

смерти другого лица. Но особенно наглядное и интересное свидетельство против волевой теории и теории интересовъ содержатъ тѣ права, которыя |какъ напр., древнее римское право| знаютъ институтъ принудительнаго наслѣдованія | *vis et necessarii heredes* римскаго права|, въ силу его нѣкоторымъ лицамъ противъ ихъ воли и интересовъ навязывается совокупность, неразрывный комплексъ правъ и обязанностей |долговъ| умершаго, такъ что пріобрѣтеніе наслѣдства можетъ означать для нихъ имущественное разореніе, избѣгнуть котораго они не могутъ, ибо отреченіе отъ наслѣдственнаго права для нихъ не допускается. Но и по другимъ правамъ, которыя этого строгаго института не знаютъ и допускаютъ отреченіе отъ наслѣдства, весьма возможно и случается окончательное пріобрѣтеніе комплекса насл. правъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанностей противъ воли и желанія, по оплошности, вслѣдствіе несоблюденія извѣстныхъ формальностей и т.д. Далѣе, есть не мало случаевъ пріобрѣтенія правъ вслѣдствіе распоряженія другихъ лицъ, не справлявшихся о нашей волѣ и нашихъ интересахъ. Напримѣръ, по нѣкоторымъ правамъ, особенно прошедшаго времени, права мужа и жены, какъ мы упомянули выше, навязывались нежелающимъ и вовсе не заинтересованнымъ въ ихъ пріобрѣтеніи, такъ что пріобрѣтеніе этихъ правъ не разъ сопровождалось плачемъ и рыданіемъ или даже самоубійствомъ. Въ приведенномъ выше по другому поводу примѣрѣ легата, распоряженія въ

Листъ 5-й

Лекціи проф. Л. І. Петражицкаго.

Литографія Юделевича, Владимірскаго, 13.

завѣщаніи въ пользу лица, находящагося за океаномъ, легатарій приобрѣтаетъ право, независимо отъ своей воли и желанія, на примѣръ, если американцу, не знающему русскаго языка, и не желающему учиться греческому, отказанъ въ завѣщаніи учебникъ греческаго языка, написанный по русски, или старыя туфли, тѣмъ не менѣе легатарій приобрѣтаетъ право на легатъ, не только при полномъ отсутствіи заинтересованности въ этомъ правѣ, но даже не зная о его возникновеніи. Далѣе, и такія права, которыя обыкновенно приобрѣтаются путемъ выраженія воли и согласія приобрѣтающаго, все таки часто *ignorantibus et nolentibus* *quaeruntur* въ томъ случаѣ, если они приобрѣтаются для насъ нашимъ представителемъ [ср. выше § 10]. Положимъ, обыкновенно, мы добровольно даемъ полномочіе на представленіе насъ въ юридическихъ дѣлахъ, но есть и представительство принудительное, названное, на примѣръ, въ случаѣ расточительства можетъ быть расточителю противъ его воли назначень опекунь, который и приобрѣтаетъ для опекаемаго права, подчасъ не справляясь о томъ, желаетъ ли тотъ приобрѣсть данное право, заинтересованъ ли онъ въ приобрѣтеніи.

Коллекцію доказательствъ возможности и наличности правъ лишенныхъ субстрата, состоящаго въ волѣ или интересѣ, или противныхъ волѣ и интересу управомоченнаго можно было бы *ad libitum* увеличить, но и приведенныхъ вполне достаточно для обоснованія положенія:

объ теоріи, какъ теорія воли, такъ и теорія интересовъ, видятъ существо правомочія въ томъ, что не только не со-

оставляет существа права, но даже не всегда сопровождает последнее.

Съ другой стороны, не трудно убѣдиться въ томъ, что рядомъ съ нежелательными и неинтересными для управомоченнаго правами, съ правами безъ воли и интереса, могутъ существовать частная воля, признанная общей волей, дозволенная или господствующая на основаніи объективнаго права воли, или господствующій или защищаемый объективнымъ правомъ интересъ безъ наличности права.

Напримѣръ, по тѣмъ позитивнымъ правамъ, которыя знаютъ рабство, рабъ является вообще безправнымъ существомъ. Но если стать на точку зрѣнія теоріи воли или теоріи интересовъ, охраняемыхъ объективнымъ правомъ, то окажется, напротивъ, что рабы имѣютъ множество правъ. Интересъ раба въ томъ, чтобы его не убивали, не отравляли, чтобы не ломали ему рукъ и ногъ, чтобы его не ограбили въ пути | если господинъ отпустилъ его къ родственникамъ или далъ торговое порученіе |, чтобы ему произвольно не препятствовали ѣхать или идти по улицѣ, его интересъ или желаніе, чтобы торговецъ, продавшій ему въ пути съѣстные припасы и взявшій деньги, дѣйствительно далъ купленный товаръ... - вѣдь пользуются защитой объективнаго права. Разбой, ограбленіе путешественниковъ, кража и т.д. запрещаются правомъ и преслѣдуются и въ томъ случаѣ, если разбойникъ или грабитель напалъ на раба. Объективное право доставляетъ господство волѣ раба ѣхать безпрепятственно въ сосѣдній городъ, охраняетъ его интересъ въ сохраненіи взятаго на дорогу или въ полученіи купленнаго въ пути провіанта,

а между тѣмъ никакой юристъ изъ этого не заключить, что въ данномъ примѣрѣ дѣло идетъ о правахъ раба. Такой выводъ сочли бы ересью и приверженцы волевой теоріи или теоріи интересовъ, несмотря на свое теоретическое воззрѣніе на существо субъективнаго права. Они бы разъяснили, что въ приведенномъ примѣрѣ дѣло идетъ частью о правахъ господина раба, частью о правахъ государства. Государство имѣетъ притязаніе на то, чтобы въ предѣлахъ его герриторіи не происходили грабежи и разбои, чтобы всѣ воздерживались отъ этихъ поступковъ. Господинъ раба имѣетъ притязаніе на то, чтобы его рабу не наносили побоевъ, телесныхъ поврежденій и т.д., точно также какъ онъ можетъ требовать отъ всякаго, чтобы не мучили или не убивали его коня, собаку. Вслѣдствіе договора, заключеннаго рабомъ съ продавцомъ състныхъ припасовъ, господинъ раба пріобрѣтаетъ притязанія на то, чтобы торговецъ выдалъ рабу проданный провіантъ и т.д. Исторія знаетъ примѣры "господства воли" рабовъ надъ цѣлыми массами свободныхъ людей притомъ вцолнѣ правомѣрнаго господства, основаннаго на примѣрѣ, на порученіи рабу управлять провинціею, данною ему законнымъ образомъ законнымъ властителемъ государства. Въ данномъ случаѣ имѣется поразительное "господство" воли и осуществленіе всевозможныхъ интересовъ раба, тѣмъ не менѣе рабъ все таки безправное существо, орудіе осуществленія чужихъ правъ.

Интересы или воля дѣтей охраняются и ограждаются въ весьма значительной степени вслѣдствіе того, что ихъ родителямъ принадлежатъ разныя права и обратно разныя ин-

тересы родителей обеспечены теми нормами права, из которых вытекают права не для них, а для их детей; многие интересы городских жителей или членов сельского общества охраняются объективным правом тем путем, что городу или сельскому обществу принадлежат известные права и т. д.

Рядом с коллекцией примѣровъ правъ безъ наличности соотвѣтственной воли или интереса ихъ субъекта, можно устроить богатѣйшую коллекцію примѣровъ господства воли охраны интересовъ безъ наличности права на сторонѣ того субъекта, интересъ или воля котораго безпрепятственно осуществляются на основаніи нормъ объективнаго права.

Положимъ, Герингъ, имѣя въ виду гражданскія, частныя права, добавляетъ то условіе, необходимое по его мнѣнію, для понятія гражданскаго правомочія, что управомоченный можетъ защищаться |предъявить въ гражданскій судъ искъ| по собственной инициативѣ. Такимъ образомъ изъ его понятія права исключаются тѣ случаи охраняемаго объективнымъ правомъ интереса, когда субъекту этого интереса не принадлежитъ право иска. Но введеніе понятія иска |какъ притязанія на доставленіе судебной защиты со стороны государства| или вообще притязанія на защиту нарушеннаго права въ опредѣленіи права не могло бы помочь дѣлу даже въ томъ случаѣ, если бы всякое право въ случаѣ его нарушенія порождало для управомоченнаго право иска, ибо получаемое такимъ образомъ опредѣленіе является *definitio per idem*. Спрашивается, что такое право, притязаніе |будетъ ли это право на полученіе 10 р. или право на защиту и

т.д. |, а намъ отвѣчаютъ, что право |х| есть такой охраняемый правомъ интересъ, субъектъ котораго имѣетъ притязаніе, право |х| на судебную или иную защиту.

Обѣ теоріи, какъ теорія воли, такъ и теорія интересовъ должны быть безусловно отвергнуты. Какъ воля, такъ и интересъ суть явленія отличныя отъ права. Это такія *res acti*, которыя могутъ быть на лицо параллельно съ *res iuris*, правомочіемъ, но могутъ и отсутствовать. Можно только признать, что во многихъ случаяхъ правъ для возникновенія или продолженія правопритязаній наличность соотвѣтственной воли или интереса субъекта не безразличны, а, напротивъ, необходимы. Особенно въ области договоровъ воля договаривающагося |выраженная по адресу другой стороны| имѣетъ весьма существенное значеніе, какъ условіе приобрѣтенія правъ и установленія обязанностей, прекращенія правъ и т.д. Въ этой же главнѣйшемъ образомъ области по постановленіямъ римскаго гражданскаго и другихъ позитивныхъ правъ получаетъ юридическое значеніе и интересъ". Если по обстоятельствамъ дѣла видно, что вы-

Къ тому же бываютъ такія гражданскія права, въ случаѣ нарушенія которыхъ для субъекта нарушеннаго права не возникаетъ права иска |напримѣръ, *obligationes naturales* римскаго и иныхъ правъ, вообще права изъ *leges imperfectae* въ другой сторонѣ, бываютъ такія права иска, преслѣдованія нарушителя, которыя возникаютъ въ лицѣ субъекта, право котораго не было нарушено |напримѣръ, *act. populares* римскаго права|.

говаривающей себя по договору какое либо право не руководствуется никаким разумным и честным интересом, а преследует какія либо безнравственныя или безсмысленныя цѣли, налагаетъ, напримѣръ, на другого обремененіе ради униженія его или удовлетворенія неумѣотной фантазіи, самодурства и т.п. - то въ такихъ случаяхъ договоръ, за "отсутствіемъ интереса" | условное выраженіе, ибо и желаніе удовлетворить своимъ самодурнымъ фантазіямъ и т.п. есть интересъ | признается недѣйствительнымъ. Но представители теоріи воли и теоріи интереса, во первыхъ, неправильно обобщаютъ эти явленія, во вторыхъ, предлагаютъ для нихъ ошибочную научную квалификацію. Истинно научная квалификація ихъ состоитъ, по нашему убѣжденію, въ слѣдующемъ:

Воля и интересъ | главнымъ образомъ первая | играютъ въ области права роль юридическихъ фактовъ, т. е. *res facti* съ которыми объективное право | гипотетическія нормы | связываютъ возникновеніе или прекращеніе *res iuris* правъ и обязанностей. Въ основѣ теоріи воли и теоріи интересовъ лежитъ совершенно аналогичное недоразумѣніе, какъ въ основѣ теоріи правоотношеній, какъ житейскихъ отношеній, регулируемыхъ правомъ.

Правомочіе же | право, притязаніе въ юридическомъ смыслѣ | есть не что иное, какъ правоотношеніе, въ установленномъ нами выше смыслѣ, рассматриваемое съ активной стороны, со стороны субъекта принадлежности. Мое право, есть обязанность другого лица съ точки зрѣнія закрѣпленія ея положительнаго поляса за мною.

Къ обязанностямъ однихъ, закрѣпленныхъ за другими, можно свести всѣ права, какъ бы различны они по своему характеру ни были.

Различія между разными типами правъ состоятъ только въ различіи объектовъ и въ большей или меньшей сложности правоотношеній, т.е. въ большемъ или меньшемъ скопленіи простыхъ правоотношеній, какъ элементовъ, которые могутъ слагаться въ болѣе или менѣе крупные аггломераты, комплексы |сложныя правоотношенія|.

Подъ простымъ правоотношеніемъ мы разумѣемъ такое, которое состоитъ въ обязанности одного лица къ одному какому либо дѣйствию |въ общемъ смыслѣ, такъ что сюда относится и воздержаніе, ср. ниже|, закрѣпленной за другимъ лицомъ.

Соединеніе этихъ правовыхъ атомовъ, молекулъ можетъ представлять различныя комбинаціи, сложныя тѣла.

Одно лицо можетъ быть обязано по отношенію къ другому къ двумъ или многимъ самостоятельнымъ дѣвствіямъ, напримѣръ, уплатить капиталъ 100 и проценты 5, убирать комнаты, управлять имѣніемъ.

Одно лицо можетъ быть обязаннымъ по отношенію къ другому, но въ то же время и имѣть притязаніе по отношенію къ другому |взаимное правоотношеніе, напримѣръ, А обязался доставить В пудъ хлѣба, а В обязался уплатитъ за это А рубль|.

Одинъ управомоченный - нѣсколько обязанныхъ |напримѣръ, 2 или 20 человекъ землекоповъ обязались помѣщику А выкопать канаву|.

- 73 -

Одинъ обязаный - нѣсколько управомоченныхъ |напримѣръ|
если въ предыдущемъ примѣрѣ работа обѣщана не даромъ, а
за 100 рублей|.

Особаго вниманія заслуживаютъ такія сложныя правоотношенія, въ которыхъ отрицательнымъ субъектомъ |обязаннымъ| являются всѣ, кромѣ управомоченнаго, въ которомъ по отношенію къ управомоченному обязанъ всякій другой, кто бы онъ ни былъ.

Таковъ, напримѣръ, составъ того правоотношенія, которое называется собственностью, правомъ собственности. Существо права собственности состоитъ въ томъ, что за положительнымъ субъектомъ закрѣплена обязанность всѣхъ и каждаго терпѣть любя воздѣйствія на вещь со стороны собственника и воздерживаться отъ посягательства со своей стороны на эту вещь безъ согласія собственника.

Что здѣсь отрицательная обязанность всѣхъ и каждаго закрѣплена за положительнымъ субъектомъ, видно, между прочимъ, изъ того, что, въ случаѣ нарушенія его права со стороны какого либо другого лица, напримѣръ, захвата его вещи въ "незаконное" владѣніе, поврежденіе ея и т.п., между собственникомъ и нарушителемъ возникаетъ новое правоотношеніе, закрѣпленная за собственникомъ |и могущая быть переданною третьему лицу| обязанность другого возвратить ему вещь, уплатить убытокъ и т.п., далѣе, изъ того, что собственникъ |по общему правилу| можетъ передать указанную общую обязанность воздержанія другому лицу, что послѣ смерти собственника положительный полюсъ правоотношенія переходитъ къ его наслѣдникамъ и т.д. Ср. ст.

420 гражд. закон.: "власть... исключительно и независимо от лица посторонняго владѣть, пользоваться и распоряжаться онымъ | предметомъ | вѣчно и потомственно доколѣ не передасть сей власти другому."

Современная юриспруденція, несмотря на важность права собственности и интересъ, возбуждаемый имъ, еще не достигла правильнаго пониманія и научнаго опредѣленія существа его. Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе всевозможныхъ опредѣленій существа этого права, предложенныхъ философами права и специалистами по гражданскому праву. Отмѣтимъ только, что, по нашему убѣжденію, ближе всѣхъ къ правильному рѣшенію проблемы находятся тѣ, которые существо института права собственности видятъ въ императивѣ обращенномъ ко всѣмъ, кромѣ собственника, воздерживаться отъ посягательства на вещь. Большинство ученыхъ съ этимъ не соглашается и считаетъ такое возрѣніе извращеніемъ существа дѣла, ибо центръ тяжести въ правѣ собственности состоитъ въ п р е д о с т а в л е н і и собственнику непосредственнаго господства надъ вещью, пользованія, распоряженія, владѣнія и т.п., что же касается обязанности воздержанія другихъ, то это лишь дальнѣйшее послѣдствіе права собственника на вещь; сторонники теоріи императивовъ, направленныхъ на воздержаніе, не могутъ объяснить положительнаго представленія, заключающагося въ правѣ собственности. На это сторонники императивовъ отвѣчаютъ, что право регулируетъ только отношенія между людьми, а не между людьми и вещами, и т.п. Споръ имѣетъ характеръ безконечнаго повторенія

противоположныхъ утвержденій безъ взаимнаго пониманія и надежды на соглашеніе. Рѣшеніе, по нашему убѣжденію, состоитъ въ томъ, что дѣйствительно для права собственности существенна обязанность воздержанія [императивъ], но не менѣе существенно закрѣпленіе этой общей обязанности за субъектомъ права [аттритивъ].

Такія права, которыя "дѣйствуютъ противъ всѣхъ" называются абсолютными правами въ отличіе отъ тѣхъ правъ, которыя "дѣйствуютъ" противъ одного или нѣсколькихъ определенныхъ лицъ, и называются относительными правами.

Съ точки зрѣнія нашего понятія права въ субъективномъ смыслѣ вообще легко устраняются, точнѣе, совсѣмъ не возникаютъ всѣ тѣ затрудненія и противорѣчія, на которыя наталкиваются теоріи воли и теоріи интересовъ. Въ частности съ нашей точки зрѣнія нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что между направленіемъ воли и интересовъ субъекта права и содержаніемъ или самымъ существованіемъ его права можетъ возникнуть несогласіе и конфликтъ. Точно также, конечно, не противорѣчитъ нашей теоріи то явленіе, что права могутъ принадлежать и принадлежать сумасшедшимъ, дѣтямъ и т.п.

Замѣтимъ, между прочимъ, что Герингъ, и его приверженцы ссылаясь на права, принадлежащія дѣтямъ, умалишеннымъ и т.п., какъ на аргументъ противъ волевой теоріи и въ свою пользу, ошибаются. Это явленіе не поддерживаетъ, а, напротивъ, опровергаетъ на ряду со множествомъ другихъ данныхъ, теорію интересовъ. Стремленія, интересы и цѣли дѣтей бывають неразумны, интересы и цѣли, преслѣдуемые су

наследными бывают совершенно ненормальные, извращенные. Если защитники теории интересовъ говорятъ и въ этомъ случаѣ о совпаденіи субъективныхъ правъ и интересовъ, то это только |конечно, неумышленное| прикрытіе научной ошибки лишеннымъ научной точности и ясности, иносказательнымъ выраженіемъ. Опекуны умалишенныхъ, признанныхъ расточителями и т.п. лицъ, строго и научно говоря, не заботятся объ осуществленіи интересовъ этихъ лицъ, каковы они существуютъ, а, напротивъ, не допускаютъ осуществления ихъ нерезонныхъ или извращенныхъ интересовъ, заботятся же они |должны заботиться| объ осуществленіи и сохранѣнн развѣ тѣхъ интересовъ и цѣлей, которые были бы свойственны ихъ подопечнымъ, если бы они были нормально развитые люди. Если же въ виду этого придать формулѣ: права суть защищаемые объективнымъ правомъ интересы - тотъ смыслъ что имѣются въ виду не тѣ интересы, которые дѣйствительно присущи дѣйствительнымъ управомоченнымъ, а нормальные интересы, такіе, какіе свойственны среднему, нормальному человѣку, признаются здоровыми, резонными интересами, то въ такомъ случаѣ и представители теории вѣли съ равнымъ правомъ могутъ сказать, что, въ случаѣ правъ дѣтей, сумасшедшихъ и т.п. имѣется въ виду не дѣйствительная, подчасъ неразумная воля этихъ лицъ, а нормальная воля. Опекуны дѣйствуютъ во исполненіе такой воли, какую бы имѣли ихъ подопечные, если бы они были нормально развитые люди.

Но понятіе нормального, резонного интереса или т.п. не можетъ спасти теории интересовъ, ибо на вопросъ, что

такое право, напимѣрь, данныя такія те права оумасшедшаго Ивана Петрова, считающаго себя безтѣлеснымъ духомъ и поэтому не интересующагося вовсе земными правами и благами, она отвѣчала бы: права Ивана Петрова суть защищаемые правомъ интересы, но не дѣйствительно существующіе, а нормальныя, и т.д., т.е., она бы признала настоящимъ и существующимъ правомъ нѣчто въ дѣйствительности не существующее. Этимъ обнаружилось бы, что опредѣленіе права не достигнуто, а вмѣсте этого выставлено только утвержденіе, что права даются ихъ субъектамъ для осуществленія такихъ цѣлей и интересовъ, которые кто то законодатель? - взгляды на то, какіе интересы резонны, могутъ быть различны | считаетъ нормальными.

Дѣйствительно, законодатели, предоставляя извѣстнымъ лицамъ извѣстныя права, обыкновенно желаютъ принести этимъ лицамъ пользу и способствовать осуществленію ихъ резонныхъ интересовъ. Не мыслимы и такіе случаи, что законодатель руководствуется совершенно иными или даже прямо противоположными цѣлями, напимѣрь, предоставляеть извѣстныя права и привилегіи извѣстному классу лицъ, чтобы повредить ему, лишить его путемъ соблазна нравственной силы и энергіи или чтобы возбудить противъ него вражду другихъ классовъ и т.п. Исторія права знает во всякомъ случаѣ не мало такихъ правъ | независимо отъ случаевъ злого умысла, "маккиавелизма" |, которыя были даны не для того, чтобы содѣйствовать осуществленію разумныхъ интересовъ ихъ субъектовъ, напимѣрь, права на раз-

ныя преміи за доносы, ^{а|} исключительное право заниматься известнымъ, считающимся въ данное время постыднымъ, промысломъ и т. п. ^{а|}

---ooOoo---

§ 23. С у б ъ е к т ы п р а в о о т н о ш е н і й.

Субъектомъ даннаго правоотношенія называется участвующій въ этомъ правоотношеніи въ качествѣ обязаннаго или управомоченнаго.

Субъектомъ, субъектомъ права, или лицомъ ^{| persona|} называютъ также того, кто способенъ имѣть права, независимо отъ того, приобрѣлъ ли онъ и имѣетъ какое либо конкретное право или нѣтъ. Способность имѣть права называется правоспособностью или личностью.

Субъектами, лицами, обладателями правоспособности бываютъ прежде всего отдѣльные люди, человѣческіе индивиду ^{| т. н. физическія лица |}. Начинается ихъ правоспособ-

-----
и|
Ср. напримѣръ *actiones populares, actio in rem vindicatio* въ исторіи римскаго права ст. 1666 гражд. з. гласитъ: "Если заемъ подъ закладъ сдѣланъ по игрѣ или для игры, съ вѣдомомъ о томъ въ семъ послѣднемъ случаѣ займодавца, то такой заемъ не только считается недѣйствительнымъ, но и самый закладъ берется въ казну, и изъ цѣны онаго половина отдается доносителю."

и|
Ср. напримѣръ, исторію законодательства о процентахъ и ростовщичествѣ.

- ность съ момента рожденія, кончается въ моментъ смерти. По современному праву культурныхъ народовъ всякій человекъ обладаетъ способностью имѣть права. Возможны и существуютъ разныя ограниченія правоспособности. Въ зависимости отъ того, къ какому сословію, полу, религіи принадлежитъ данный человекъ, имѣетъ ли онъ подданство даннаго государства и т.п. - возможны и большія или меньшія ограниченія правоспособности, напр., лишеніе способности къ нѣкоторымъ должностямъ, къ пріобрѣтенію права собственности на недвижимости и т.п. Болѣе или менѣе важныя ограниченія правоспособности налагаются также по суду въ видѣ наказанія за преступленія. Но полного лишенія правоспособности современное культурное право не знаетъ. Исторія права знаетъ, впрочемъ, и случаи полного отсутствія правоспособности. Такъ, рабы въ древнихъ государствахъ признавались неспособными имѣть права.

Приведенныя положенія и понятія пользуются общимъ признаніемъ и не возбуждаютъ сомнѣній. Напротивъ, весьма спорнымъ является вопросъ о второмъ разрядѣ лицъ, о т.н. юридическихъ лицахъ, т.е. такихъ лицахъ, которыя не являются человѣческими индивидами |физическими лицами|.

Дѣло въ томъ, что права и обязанности, напр., право собственности, долги и т.п. приписываются не только отдѣльнымъ лицамъ, но и извѣстнымъ учрежденіямъ, союзамъ лицъ |корпорациямъ| и т.п., напр., государству, казѣ, городамъ, земствамъ, монастырямъ, акціонернымъ компаніямъ, благотворительнымъ учрежденіямъ и т.п. Напр., о данномъ участкѣ земли говорится, что право собственности на него

принадлежитъ казнѣ, городу, монастырю, сельскому обществу. Съ городомъ, казной, акціонерными компаніями заключаются |черезъ представителей| договоры, напр. договоръ займа денегъ, аренды и т.п., по которымъ эти "субъекты" принимаютъ на себя разныя обязательства, приобрѣтаютъ права, называются кредиторами и должниками, въ случаѣ нарушенія судятся, являются истцами или отвѣтчиками.

Права и обязанности такихъ лицъ строго отдѣляются отъ правъ и обязанностей отдѣльныхъ людей, хотя бы они были участниками, членами даннаго общества, корпораціи *ei quid universitati debetur, singulis non debetur, nec quod debet universitas, singuli debent*; тѣ вещи, на которыя принадлежитъ право собственности корпораціи, не принадлежатъ членамъ корпораціи и обратно...

Традиціонно различаютъ два вида такихъ лицъ:

1| Корпораціи | *universitas personarum, collegia personalia* средневѣковыхъ юристовъ|. Обычное опредѣленіе корпораціи гласитъ: Корпорація есть правоспособный союзъ лицъ или такое юр. лицо, субстратомъ котораго являются члены. Сюда относятся разныя общества, кампаніи и т.п.

2| Учрежденія | *universitas bonorum, collegia realia* средневѣковыхъ юристовъ|. Обычное опредѣленіе: имущественные комплексы, самостоятельныя имущества, посвященныя опредѣленной полезной цѣли, или такія юр. лица, субстратомъ коихъ является комплексъ имущества |напр., богадѣльни дома трудолюбія, учебныя заведенія, за которыми признана самостоятельная правоспособность и т.п. |.

Обыкновенно признается также наличность переходныхъ

или смѣшанныхъ формъ | *collegia mixta* |.

И вотъ въ наукѣ идетъ великій споръ, являются ли корпораціи и учрежденія дѣйствительно особымъ разрядомъ субъектовъ правъ, лицъ, на ряду съ отдѣльными людьми, и если да, то кто или что является здѣсь носителемъ правоспособности. Для рѣшенія этихъ вопросовъ было предложено немало различныхъ теорій. Главнѣйшія изъ нихъ:

I. Теорія фикціи. По этой теоріи |связываемой обычно въ венно съ именемъ Савиньи, хотя правильнѣе главнымъ родоначальникомъ ея признать палу Иннокентія IV| дѣйствительнымъ, реальнымъ субъектомъ правъ является человекъ и только человекъ | *hominum causa tantum ius constitutum est* |. Но позитивное право для извѣстныхъ цѣлей создаетъ искусственнымъ путемъ личность въ нѣкоторыхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ лица нѣтъ, а именно для извѣстной цѣли фингируется наличность правоспособнаго субъекта. Такія фиктивные, т.е. вымышленные для юридическихъ цѣлей, субъекты и суть юр. лица. "Я употребляю, замѣчаетъ Савиньи, для обозначенія этого явленія названіе "юридическое лицо" |въ противоположность естественному лицу, т.е. |отдѣльному человеку|, чтобы выразить что его существованіе зиждется исключительно на юридической цѣли." Юридическія лица суть фингированные субъекты.

• |Savigny, System heut. römischen Rechts II 585.

Листъ 6-й

Лекціи проф. Л.І. Петражицкаго.

Литографія Юделевича, Владимірскій, 13.

2. Отрицательныя теоріи. Отъ теоріи фикціи естествен-
ный переходъ къ полному отрицанію наличности иныхъ субъ-
ектовъ права, кромѣ отдѣльныхъ людей, и къ признанію не-
удачности самаго понятія юридическаго лица.

а) Теорія Бринца:

Признаніе фикціи есть признаніе отсутствія, но что не
существуетъ, то и не можетъ имѣть правъ. Юридическое ли-
цо занимаетъ такое же мѣсто въ ученіи о лицахъ, какое са-
довое пугало занимало бы въ антропологіи, если бы его от-
нести туда на томъ основаніи, что пугало изображаетъ че-
ловѣка.

Теорію двухъ видовъ лицъ слѣдуетъ отвергнуть. Сущест-
вуютъ не два разряда лицъ, а только два вида имущества:
1) имущество, принадлежащее кому либо и 2) имущество,
предназначенное для чего либо, имущество для цѣли, цѣле-
вое имущество, т. е. имущество, никому не принадлежащее,
но служащее для опредѣленной цѣли. Въ этомъ имуществѣ за-
ключаются права и обязанности безъ субъектовъ, собствен-
ность безъ собственника, долги безъ должниковъ и т. п.

б) Теорія Геринга | *Seist des röm. Rechts III § § 60, 61* |:

Права можетъ имѣть только тотъ, кто имѣетъ интересъ,
цѣли, потребности, кто можетъ пользоваться |удовлетворять
потребности|, т. е. только отдѣльные люди. Теорія юр. лицъ,
какъ особыхъ субъектовъ, есть порожденіе формализма и
признакъ полнаго непониманія истиннаго существа дѣла. Ис-
ключены субъектами правъ въ тѣхъ случаяхъ, когда предста-
вители юр. формализма говорятъ о юр. лицѣ, являются от-
дѣльные члены корпораціи, тѣ люди, которымъ дается поль-
зованіе, чьи интересы имѣются въ виду и удовлетворяются -

дестинатары.

Этимъ лицамъ для практическихъ надобностей, для удобства искового проведенія ихъ правъ, предоставляется одинъ искъ, но изъ этого нельзя заключить, будто дѣло идетъ о наличности какого либо, отличнаго отъ отдѣльныхъ членовъ лица.

3. Реалистическія теоріи. Несмотря на научную полемику и ироническія замѣчанія по адресу теоріи юр. лицъ, какъ особыхъ субъектовъ правъ, многіе ученые, въ томъ числѣ, весьма выдающіеся, все таки упорно продолжаютъ защищать признаніе наличности юр. лицъ, и притомъ не въ качествѣ фикцій, а какъ дѣйствительныхъ, реальныхъ субъектовъ права.

а. Теорія соціальныхъ организмовъ. Наибольшее значеніе среди теорій реального существованія юр. лицъ имѣетъ ученіе, видящее въ юр. лицахъ особаго рода организмы высшаго |надъ-индивидуальнаго| порядка, общественные, соціальныя организмы, одаренные правоспособностью. Теорію эту можно назвать также германистической и противопоставить ея другимъ, какъ романистическимъ, въ двоякомъ смыслѣ. Во первыхъ, главными представителями ея являются корифеи науки германскаго права |Безедеръ, Гирке и др., впрочемъ въ послѣднее время она пріобрѣтаетъ все большее и большее число сторонниковъ и среди романистовъ: Регельсберггеръ, Эрманъ и др. |; во вторыхъ, выдающіеся германисты видятъ въ признаніи реальныхъ и живыхъ общественныхъ организмовъ особенность и преимущество германскаго національнаго права и права предъ римскимъ: въ римскомъ правѣ юр. лица были

безжизненными фикціями, безтѣлесными тѣнями, напротивъ, германское національное сознаніе выработало и признаетъ въ области юр. лицъ реальныя жизнеспособныя и живыя существа, реальныя соціальные организмы. Отсюда восторженный тонъ записи этой теоріи.

"Достойнымъ нашего времени, дѣйствительно обоснованнымъ нашимъ міросозерцаніемъ, дѣйствительно прогрессивнымъ является только воззрѣніе, которое выработалъ германскій духъ въ многовѣковой борьбѣ: надъ человѣческими индивидами продолжаютъ существовать человѣческіе союзы разнаго порядка и ранга - реальныя существа исторической дѣйствительности, соціальные организмы съ головой и прочими органами, изъ коихъ каждый на своемъ мѣстѣ участвуетъ въ общей жизни цѣлаго". | Gierke, Deutsches Privatrecht I, 1895, стр. 468|.

Эти живые организмы имѣютъ особую волю, отличную отъ воли отдѣльныхъ лицъ, особые чувства, желанія, честь и т.д.

б) Меньшее значеніе и только единичныхъ приверженцевъ имѣютъ разныя другія реалистическія теоріи. Нѣкоторые ученые дѣйствительнымъ субъектомъ права въ области юр. лицъ читаютъ "организованное управленіе", "управленіе", "управителей", "союзныя образованія" безъ отождествленія съ организмами въ біологическомъ смыслѣ. Нѣкоторые смотрятъ на дѣло весьма "реалистически" въ томъ смыслѣ, что они апеллируютъ къ свидѣтельству внѣшнихъ чувствъ, доказывающихъ наглядно реальное существованіе юр. лицъ, не допускающихъ и мысли, что городъ, государство, больница и

т.п. есть ничто, въ дѣйствительности не существуетъ. Такъ, напр., авторитетнѣйшія изъ живущихъ теперь романистовъ Дерибурзь замѣчаетъ |Pandekten I, § 60|: "Представленіе юр. лица |не есть фикція, т.е. представленіе, противорѣчащее дѣйствительности, реальному положенію вещей, а напротивъ |подводитъ дѣйствительное явленіе подъ соответствующее ему понятіе. Понятіе общины связано съ землею и людьми, состоящими между собой въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Это представленіе отвѣчаетъ реальному положенію вещей. Оно порожденіе не фантазіи, какъ нѣкоторые думаютъ, а разсудка."

Другія теоріи имѣютъ спиритуалистическій или метафизическій характеръ. Напр., по теоріи Циттельмана истиннымъ субъектомъ правъ въ области юр. лицъ является безтѣлесная воля. Этому автору воля представляется какимъ то существомъ, могущимъ продолжать свое существованіе, жить и дѣйствовать, напр., послѣ смерти того, кто путемъ завѣщанія выразилъ свою волю учредить извѣстное благотворительное заведеніе и т.д. По теоріи Барона обладателемъ правъ является "цѣль". Право можетъ признаться за извѣстной цѣлью способность пріобрѣтать права; надѣленная объективнымъ правомъ, способностью имѣть права цѣль и есть юридическое ^{лицо}, и т.д.

Впрочемъ, цѣль, по теоріи Барона, возводится въ лицо посредствомъ фикціи, посредствомъ фиктивного приравненія самостоятельной, независимой отъ живущихъ людей цѣли къ человѣку |Система римск. права вып. I § 29|.

Прежде чѣмъ указать основную причину и существо споровъ, затрудненій и недоразумѣній въ области теоріи лицъ, отмѣтимъ, что большинство изъ приведенныхъ теорій вовсе не могло бы возникнуть, если бы юристы вмѣсто производства произвольныхъ біологическихъ, метафизическихъ и т.п. построеній или не менѣе произвольныхъ выводовъ изъ предвзятого воззрѣнія на значеніе "интересовъ" въ области теоріи права обратились къ изученію отношенія дѣйствительнаго права | хотя бы въ узкихъ рамкахъ офіціального права, современнаго законодательства | къ понятію юридическаго лица, если бы они обратили достаточное вниманіе на то, что по современнымъ, напримѣръ, законамъ требуется для возникновенія юридической личности.

Напримѣръ, новое германское гражданское уложеніе для возникновенія учрежденія какъ юридическаго лица, требуетъ наличности слѣдующихъ условій | § 80 |:

"Для возникновенія правоспособнаго учрежденія кромѣ цѣли, направленной на созданіе учрежденія, требуется согласіе правительства"... | далѣе опредѣляется, къ какому изъ германскихъ правительствъ въ какихъ случаяхъ гѣдуетъ обращаться, кому надлежитъ испрашивать согласіе правительства и т.д. |.

Такимъ образомъ, по новому германскому уложенію | впрямь, въ данной области никакого существеннаго нововведенія по сравненію съ другими законодательствами не со- держащему | для возникновенія юридическихъ лицъ, называемыхъ учрежденіями, достаточно наличности правильно сос-

Напримѣръ, завѣщанія, договора.

тавленнаго частнымъ лицомъ распорядительнаго документа и надлежащаго выраженія согласія со стороны правительства, на примѣръ, соотвѣтственныя помѣты и подписи министра или т.п. Уже этого достаточно для опроверженія большинства теорій юридическихъ лицъ.

1. Требуется ли по этому закону наличность тѣхъ людей, которымъ достанется "польза", чьи интересы удовлетворяются вслѣдствіе существованія даннаго учрежденія |наличность дестинатаровъ|? Такого условія и ограниченія законъ не устанавливаетъ. И это вполне резонно. Почему, на примѣръ, не допустить учрежденія "Пріюта имени Ивана Петрова" для воспитанія подкидышей, которые родятся послѣ 1910 года |до того времени пожертвованный, пока не особенно большой, капиталъ долженъ увеличиваться наростаніемъ процентовъ или дальнѣйшими пожертвованіями|. Или почему не допустить учрежденія для чествованія такого тзвятого и вмѣстѣ съ тѣмъ поминовенія души знаменитаго предка учредителя? Въ первомъ случаѣ юридическое лицо возникаетъ раньше рожденія дестинатаровъ, во второмъ случаѣ тоже не имѣется въ виду наличныхъ дестинатаровъ съ "брюхомъ" и т.п. Такимъ образомъ падаетъ теорія Геринга, предполагающая за ширмами или сюрисками юридического лица наличныхъ живыхъ дестинатаровъ, какъ дѣйствительныхъ управомоченныхъ.

2. Требуется ли по этому закону наличность имущества для возникновенія юридического лица? Такого ограниченія законъ вполне резонно не устанавливаетъ. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ послѣ признанія учрежденія, послѣ возник-

новені юридическаго лица, ожидаются многочисленныя портвования на имя этого лица для той цѣли, для которой учрежденіе предназначено. Или, на примѣръ, почему не допустить учрежденія "Сберегательной кассы такой то", "Кассы взаимной помощи" и т.п. изъ за отсутствія особаго имущества. Таковое соберется, лишь бы было признано правоспособное учрежденіе. Такимъ образомъ въ виду приведенныхъ положеній германскаго уложенія падаетъ теорія Бришда.

3. Требуется ли по этому закону появленіе какого либо соціального организма для возникновенія юридическаго лица? Не только для рѣшенія головоломной проблемы науки права, вопроса о юридическихъ лицахъ, но и независимо отъ этого была выставлена и не юристами и находить защитниковъ въ разныхъ областяхъ общественныхъ наукъ теорія, выдающая въ государствѣ, общинѣ и т.п. особаго рода организмы. Не въ виду приведеннаго положенія о возникновеніи учрежденія намъ можно здѣсь обойтись безъ опроверженія этого воззрѣнія. Отъ составленія завѣщанія и подписи министра уже во всякомъ случаѣ не родится никакой "организмъ" и вообще не появится никакого "существа", крѣпупаго, а между тѣмъ юридическая личность возникаетъ и можетъ пріобрѣсть самостоятельныя права съ моментъ подписи документа канцлеромъ или министромъ. Такимъ образомъ падаетъ теорія соціальныхъ организмовъ.

4. *Mutatis mutandis* тоже относится къ теоріи "организованнаго управленія", ибо законъ для возникновенія юридическаго лица не требуетъ, чтобы раньше было ограни-

зовано управленіе, чтобы были на лицо будущіе управители; и апеллировать къ свидѣтельству чувствъ и здраваго смысла, убѣждающихъ въ томъ, что городъ, государство не есть ничто, въ данномъ случаѣ не приходится, ибо учрежденіе, какъ юридическое лицо, можетъ существовать помимо земли, людей и т.п., а на очевидное существованіе листовъ бумаги, на которыхъ написаны распоряженіе учрежденія и выраженіе согласія правительства, какъ на свидѣтельство, что учрежденіе есть реальное лицо, сторонники свидѣтельства чувствъ и здраваго смысла, конечно, сослаться не могутъ.

Что касается теорій цѣли, какъ истиннаго субъекта, безтѣлесной воли, способной существовать послѣ смерти того, кто ее выразилъ, и пріобрѣтать права, и т.п., то такія теоріи по самому существу своему заслуживаютъ вниманія развѣ какъ свидѣтельство отчаянности положенія науки въ данной области, доводящей ученыхъ за невозможностью найти резонный и вѣроятный исходъ до невѣроятныхъ и странныхъ конструкцій. "Воля", равно какъ и "цѣль" | представленіе будущаго желательнаго эффекта примѣненія чего либо, какъ средства | суть психическія явленія и о существованіи ихъ независимо отъ того субъекта, который переживаетъ эти психическія состоянія рѣчи въ научномъ смыслѣ быть не можетъ. Если же подъ независимой отъ людей волею или цѣлью разумѣть не то, что называется волею и цѣлью въ качествѣ психическаго феномена, а нѣчто иное, какой то метафизическій ноумень, какую то непознаваемую субстанцію, то соотвѣтственныя теоріи не дадутъ отвѣта

на то, что есть юридическое лицо въ области |юридических| феноменовъ; для авторовъ подобныхъ теорій область юридическихъ лицъ означаетъ пробѣлъ въ познаніи юридическихъ феноменовъ, какъ таковыхъ, а ихъ теоріи являются непослѣдовательностью, поскольку они другія явленія права изучаютъ и познаютъ какъ феномены, а здѣсь вдругъ обращаются какъ къ ноуменамъ къ метафизическимъ построениямъ.

Въ виду неудовлетворительности самаго научнаго существа этихъ теорій онѣ не нуждаются въ провѣркѣ и опроверженіи съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ явленій права. Но и по ихъ адресу мы можемъ сослаться на постановленія современныхъ законодательствъ о возникновеніи учреждений, какъ юридическихъ лицъ, и указать, что эти постановленія вовсе не предполагаютъ и не требуютъ наличности того, о чемъ говорятъ критикуемая теоріи, что послѣднія не основываются на изученіи права и никакого подтвержденія изъ явленій права въ свою пользу извлечь не могутъ, а произвольно привносятъ продукты своей творческой фантазіи.

Мало того, хотя подобнаго рода теоріи, теоріи удаленныя отъ научной почвы подлежащихъ изслѣдованію явленій, вмѣстѣ съ недостаткомъ бездоказательности и беспочвенности обыкновенно обладаютъ и тѣмъ своеобразнымъ "преимуществомъ", что онѣ въ то же время не поддаются и прямому научному опроверженію, въ данномъ случаѣ мы можемъ указать на прямое противорѣчіе теоріи воли и теоріи цѣли съ явленіями дѣйствительнаго права.

Одинъ изъ слѣдующихъ, [послѣ приведеннаго § 80] параграфовъ германскаго уложенія, а именно § 87, напримѣръ, содержитъ слѣдующее постановленіе:

"Если исполненіе цѣли учрежденія сдѣлалось невозможнымъ или опаснымъ для общаго блага, то подлежащій органъ власти можетъ опредѣлить для учрежденія другую цѣль или прекратить существованіе учрежденія."

Въ силу этого положенія [повторяющагося и въ другихъ законодательствахъ] та безтѣлесная воля, которая, будучи создана учредителемъ-завѣщателемъ, продолжаетъ существовать въ качествѣ субъекта, приобретающаго права, или та постоянная, неизмѣнная цѣль, которая по Барону существуетъ независимо отъ людей и является субъектомъ права, получаетъ съ точки зрѣнія этихъ теорій такъ сказать отставку, а между тѣмъ юридическое лицо продолжаетъ существовать и дѣйствовать, несмотря на измѣненіе предназначенія и отступленія отъ воли, выраженной завѣщателемъ или инымъ учредителемъ, какъ продолжаетъ существовать и дѣйствовать Иванъ Петровъ или Гансъ Мюллеръ, хотя онъ въ одно прекрасное утро радикально измѣнилъ свой планъ жизни, свои интересы и цѣли. Съ юридической точки зрѣнія здѣсь имѣетъ мѣсто тожество личности, субъекта правъ при измѣненіи цѣли или отмѣнѣ иныхъ распоряженій ["воли"] учредителя, такъ что теоріи Барона и Цительмана находятся въ такой же коллизіи съ дѣйствительными явленіями права, какъ Геринга теорія дестинатаровъ, германическая теорія соціальныхъ организмовъ и проч.

Такимъ образомъ достаточно принять во вниманіе нѣкоторыя явленія дѣйствительнаго права, чтобы цѣлые ряды хит-

роумныхъ теорій оказались иллюзіями и фантазіями, рухнули какъ карточные домики отъ дуновенія вѣтра. Отъ этого погрома, произведеннаго столь скромными средствами, какъ положеніе, выраженное въ § 80 новѣйшаго гражданскаго кодекса |выработаннаго при участіи сторонниковъ теорій соціальныхъ организмовъ и т.п. | уцѣлѣла только теорія фикцій, по которой дѣйствительными субъектами права являются только люди, юридическія же лица суть фингированные позитивнымъ правомъ для юр. цѣлей субъекты. Но нельзя не согласиться съ тѣми, которые признають невозможнымъ довольствоваться такою теорією. Вполнѣ справедливо, между прочимъ, и ироническое сравненіе дѣленія лицъ, на дѣйствительныхъ субъектовъ и вымышленныхъ съ антропологической классификаціей, которая бы различала дѣйствительныхъ лицъ и садовыхъ пугала. Если юр. лица не суть существующіе дѣйствительно субъекты правъ, то, стало быть, такъ и слѣдуетъ признать, что особыхъ субъектовъ права, кромѣ отдѣльныхъ людей, физическихъ лицъ, нѣтъ, не существуетъ. Признавая же, что извѣстные комплексы правъ и обязанностей не принадлежать отдѣльнымъ лицамъ, физическимъ лицамъ, остается только сказать, что эти права и обязанности лишены субъекта, безсубъектны. Но такая обязанность, которая ни на комъ не лежитъ, такъ что обязанъ "никто", такое право, которое принадлежит "никому", такъ что никто не управомоченъ, не мыслимы, не постижимы для ума человѣческаго. Съ этой точки зрѣнія мы выше ставимъ, если можно сравнивать качества абсолютно негодныхъ продуктовъ! теоріи, обращающіяся для рѣшенія проблемъ юриди-

ческихъ лицъ къ предположенію какихъ либо метафизическихъ нашему познанію недоступныхъ существъ, нежели теорію фикцій или теорію безсубъектныхъ правъ и обязанностей | есть сторонники и такой теоріи |, ибо метафизическая теорія означаетъ только отказъ отъ познанія юридическаго лица, какъ феномена, предполагая гипотезу существованія въ этой области такихъ существъ, которыя не доступны для нашего опытнаго познанія, трансцендентны, эти же теоріи сводятся къ абсурду, находятся въ прямомъ противорѣчій съ природою нашего мышленія.

Очевидно, положеніе науки въ области ученія о юридическихъ лицахъ крайне бѣдственно. Впрочемъ и въ области ученія о физическихъ лицахъ, далеко не все обстоитъ такъ благополучно, какъ обыкновенно представляется. Изъ тѣхъ же учебниковъ, гдѣ ученіе о физическихъ лицахъ излагается гладко и, повидимому, безъ логическихъ запинокъ, гдѣ физическія лица выступаютъ, какъ отдѣльные | "живые" | люди, за которыми объективное право признаетъ правоспособность, мы узнаемъ, что и мертвыя души бывають субъектами права, что иногда пріобрѣтають права и покойники. А именно послѣ традиціонныхъ замѣчаній, что существованіе физическаго лица начинается въ моментъ рожденія, кончается въ моментъ смерти, въ томъ же или въ одномъ изъ слѣдующихъ параграфовъ ученія о физическомъ лицѣ въ учебникахъ гражданскаго права столь же традиціонно излагается такъ наз. ученіе о *cohortientes*, о совмѣстной смерти, и ученіе о безвѣстномъ отсутствіи. Изъ сообщаемыхъ здѣсь данныхъ мы узнаемъ, что напр., если нѣсколько лицъ погибло во время

кораблекрушенія или сраженія и т.п. такъ, что неизвѣстно кто изъ нихъ потерпѣлъ смерть раньше, а отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ регулированіе какихъ либо правъ и обязанностей |напримѣръ наследственныхъ правъ|, то римское право и нѣкоторыя другія признають, что они погибли въ одинъ и тотъ же моментъ |такъ что одинъ не сдѣлался наследникомъ другого|; но если они находились въ отношеніи нисходящихъ къ восходящимъ родственникамъ |напр., отецъ и сынъ, дѣдъ и внукъ|, то предполагается, что совершеннолѣтній нисходящій пережилъ своего восходящаго, а несовершеннолѣтній умеръ раньше его. Далѣе, мы узнаемъ, что на случай безвѣстнаго отсутствія разныя положительныя права устанавливаютъ разныя правила на счетъ того, до какого времени въ случаѣ безвѣстнаго отсутствія |человѣкъ исчезъ и о его жизни или смерти нѣтъ никакихъ свѣдѣній| признавать |предполагать| лицо живущимъ| и, стало быть, приписывать ему право собственности на его имѣніе, признавать его кредиторомъ и должникомъ по обязательствамъ и т.п. |, а съ какого времени признавать его умершимъ |такъ что его права и обязанности переходятъ къ наследникамъ|.

Prima facie эти положенія вполне согласуются съ обычнымъ понятіемъ физическаго лица и необходимымъ логическимъ послѣдствіемъ этого понятія, съ положеніемъ, что смерть прекращаетъ личность. Если право въ упомянутыхъ случаяхъ постановляетъ продолженіе личности въ юридическомъ смыслѣ, какъ самостоятельной правоспособности и самостоятельной сферы правоотношеній, то это именно проис-

ходить путем и вслѣдствіе предположенія жизни, болѣе продолжительной жизни совершеннолѣтняго нисходящаго, нѣкоторой продолжительности жизни въ безвѣстномъ отсутствіи и т.д. Но дѣло въ томъ, что предположеніе жизни не превратитъ покойника въ живущаго; и вообще не дѣло права утверждать вѣроятность, достовѣрность, истину и т.п.; законодательное изреченіе имѣетъ юридическій смыслъ и значеніе лишь постольку, поскольку они порождаютъ нормы, поскольку они достигаютъ нормировки правоотношеній. Выраженіе "жизнь предполагается" означаетъ вовсе не утвержденіе чего либо, а требованіе неизмѣннаго исполненія обязанностей отъ имени отсутствующаго |живетъ ли онъ или умеръ, и какъ кто объ этомъ думаетъ, безразлично|, напр. платежа долговъ изъ его имущества, осуществленія его правъ, напр. платежа долговъ *curator'у absentis* на имя отсутствующаго вообще предположеніе "жизни" сводится къ продолженію отдѣльнаго существованія и осуществленія правоспособности и правообладанія, продолженіе личности, независимо отъ того, что можетъ быть, человекъ давно умеръ. Но если тамъ же ученіи о безвѣстномъ отсутствіи и *comprobatas* содержится опроверженіе теоріи физическихъ лицъ, какъ "людей" съ желудкомъ и т.д., и мы должны признать и ученіе о людяхъ, какъ субъектахъ права, противорѣчивымъ и несостоятельнымъ.

И дѣйствительно, въ основѣ всѣхъ вышеизложенныхъ теорій какъ юридическихъ такъ и физическихъ лицъ коренится принципиальное недоразумѣніе и смѣшеніе понятій, которыми

заставляют не замѣчать ошибочности теоріи физическихъ лицъ, и ведутъ къ безплодному сизифову труду въ области ученія о лицахъ юридическихъ.

Правоотношеніе не есть какое то особое "жизненное" отношеніе между противостоящими другъ другу людьми и т.п. а психическое явленіе *vis generis*. Слѣдовательно и составные элементы правоотношенія, въ томъ числѣ и субъекты не могутъ обладать желудкомъ и т.п. атрибутами, какъ полагаютъ Герингъ и другіе, а представляютъ такое же психическое явленіе, такой же актъ, происходящій въ нашей *ψυχή* а не предметъ, находящійся гдѣ либо во внѣ какъ и весь психическій актъ, правоотношенія въ полномъ его составѣ. Субъекты права, какъ элементы правоотношенія, не только не имѣютъ желудка и кармана, требующихъ наполненія, но съ подобными предметами столь же несоизмѣрима несравнима и несоединима, какъ религіозный экстазъ или поэтическая мысль съ кускомъ дерева.

Господствующая теорія смѣшиваетъ *res facti* съ *res iuris* съ *persona iuris* причѣмъ въ замѣнѣ опредѣленія существа *res iuris* на выдвигаетъ отчасти такіа *res facti*, которыя не лишены юридическаго значенія, являются юридическими фактами |но не искомыми *res iuris*|, отчасти же такіа которыя и этого значенія не имѣютъ и совсѣмъ напрасно фигурируютъ въ юридическихъ сочиненіяхъ.

Что касается живого человѣческаго индивида, то существованіе его, появленіе, рожденіе и исчезновеніе, смерть вообще имѣютъ значеніе весьма важныхъ юридическихъ фактовъ. Живой человѣкъ, какъ таковой, не можетъ являться

элементомъ правоотношенія - субъектомъ правоотношенія
его, существованіе вовсе не то же, что существованіе лица
въ юридическомъ смыслѣ, но его существованіе весьма важно
для существованія лица, ибо его рожденіе и дальнѣйшее
существованіе является юридическимъ фактомъ, условіемъ при
знанія наличности лица со стороны права. Для признанія
Ивана Петрова, какъ лица, по общему правилу требуется
личность Ивана Петрова, какъ живого человѣка. Впрочемъ
какъ указано выше, бываютъ исключенія, такъ что условіе
существованія лица Ивана Петрова могутъ быть и дру
юридическіе факты |прежнее существованіе и безвѣстная
пропажа человѣка до истеченія извѣстнаго срока и совер
шенія извѣстныхъ формальностей, предписанныхъ для " юриди
ческаго смертоубійства", для уничтоженія лица въ юриди
ческомъ смыслѣ|.

Сверхъ появленія живого человѣка |рожденіе младенца
современныя законодательства указываютъ еще цѣлый рядъ
другихъ юридическихъ фактовъ, которые тоже обусловлива
ютъ появленіе |признаніе| лица въ юридическомъ смыслѣ.
Вмѣсто акушерскаго искусства для производства этихъ юр
дическихъ фактовъ обыкновенно требуется искусство сост
авлять юридическіе документы, завѣщанія, прошенія и т.д.
Въ видѣ примѣра напомнимъ приведенный выше § 80 герман
скаго уложенія. § 21 того же уложенія гласитъ:

"Общество, которое не преслѣдуетъ промышленныхъ цѣлей
приобрѣтаетъ правоспособность путемъ внесенія въ регис

обществъ подлежащаго участковаго суда."

Здѣсь юридическимъ фактомъ является наличность нѣсколькихъ людей и т.д., но общество въ фактическомъ смыслѣ нѣсколько лицъ, согласившихся основать корпорацію, не есть субъектъ, а только юридическій фактъ.

Законодательства нѣкоторыхъ другихъ государствъ для признанія личности учрежденій и корпорацій, не преслѣдующихъ промышленныхъ цѣлей, а для промышленныхъ союзовъ и германское право требуетъ болѣе сложныхъ и трудныхъ условій. Для возникновенія нѣкоторыхъ категорій юр.лицъ, напр., акціонерныхъ компаній, подчасъ и учрежденій, требуется наличность болѣе или менѣе крупнаго капитала; въ этомъ случаѣ и "имущество, предназначенное для цѣли" |Бринцъ| не лишено значенія - а именно его наличность есть важный юридическій фактъ.

Для появленія лица-города требуется наличность земли, домовъ, улицъ, довольно большой массы осѣдлыхъ людей и т.п., но ошибочно ссылаться на свидѣтельство глазъ, видящихъ массу домовъ, людей и т.п., въ томъ, что юридическое лицо-городъ есть не ничто, а нѣчто, реально существующее: зрѣніе подтверждаетъ здѣсь только наличность такихъ *res facti*, такихъ юр. фактовъ, возникновеніе и существованіе коихъ обусловливаетъ существованіе лица, т.е. *res iuris* которой еще никто не видѣлъ, ибо эта такая *res*, которая познается не зрѣніемъ, а внутреннимъ самонаблюденіемъ, какъ и нормы права, правоотношенія, права, обязанности, объекты права |ср. ниже|.

Для появленія лица-государства необходима наличность

еще болѣе сложнаго и крупнаго комплекса явленій, нежели для личности-города, необходима обыкновенно довольно значительная масса населенія и территоріи, независимость союза отъ другихъ союзовъ, организація власти, но эти явленія, какъ условія признанія личности государства, суть юр. факты, а не лицо-государство.

Если бы мнѣніе германистовъ, по которому въ случаѣ государства, общины или общества [напр. Иванъ, Петръ и Степанъ составляли товарищескій договоръ и хлопчуть о признаніи личности] есть на лицо особый организмъ высшаго порядка съ особой душою и волею, было правильно, то можно было бы для ихъ удовольствія признать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ юр. личности, юр. фактомъ, обуславливающимъ таковую является, между прочимъ, наличность соціального организма. Этимъ мы бы доставили радость германстамъ, не совершая научной ошибки [при правильности нашей гипотезы]. Но положительно рациональнаго положенія, нужной и полезной для юриспруденціи истины мы бы этимъ не установили, ибо въ дѣйствительности право выставляетъ условіемъ для появленія корпораціи не наличность, "соціального организма", а напр., условіе, что нѣсколько лицъ [въ нѣкоторыхъ случаяхъ по нѣкоторымъ правамъ требуется 7 человекъ, иногда 3] должны составить извѣстное соглашение и внести названіе корпораціи въ регистръ, т. е. право выставляетъ такія точныя и ясныя условія, наличность которыхъ можно констатировать, вовсе не имѣя понятія о "соціальномъ организмѣ" или считая идею соціальныхъ организмовъ научнымъ заблужденіемъ. Вопросъ о соціальныхъ организмахъ составляетъ, такъ сказать, излишнюю для юри-

та роскошь, а излишнее въ наукѣ не должно имѣть мѣста. Привлеченіе постороннихъ для данной научной области къ темъ лишнимъ вопросамъ, означаетъ ненаучность.

Если бы правильно было мнѣніе Барона или Цительмана, что "бестѣлесная воля" или "независимая отъ людей цѣль" могутъ самостоятельно существовать и дѣйствовать, какъ безплотныя существа *sui generis*, то и по адресу этихъ теорій мы бы сказали, что не только такія существа и юр лица были бы двѣ вещи, совершенно различныя, но даже эти существа не имѣютъ значенія юр. фактовъ, обусловливающихъ появленіе юридическихъ лицъ, ибо тѣ права, для которыхъ эти авторы предложили свои теоріи, выставляютъ, какъ юр. факты, обусловливающіе появленіе личности иныя, гораздо болѣе осязательныя условія и т. д.

Такимъ образомъ нѣкоторыя теоріи юридическихъ лицъ говорятъ о совершенно лишнихъ и праздныхъ въ нашей наукѣ вопросахъ, другія же въ погонѣ за ускользающимъ отъ ихъ интеллектуальнаго зрѣнія понятіемъ, за *persona juris* хватаются за одинъ изъ юр. фактовъ, обусловливающихъ нѣкоторыя изъ *personae juris*, а такъ какъ эти юридич. факты для наличности разныхъ *personae juris* какъ мы видѣли выше, весьма разнообразны, то они выдвигаютъ такія понятія, которыя, |будучи важны для известной *personae* лица| для лица, какъ такового |для *genus*| весьма не существенны и случайны.

Истиннаго существа лица въ юр. смыслѣ, какъ сказано въ мірѣ внѣшнемъ по отношенію къ нашей фуху мы не уловимъ, будетъ ли это матеріальный міръ или міръ без-

плотныхъ существъ. Субъектъ права есть тотъ элементъ переживаемыхъ нами психическихъ актовъ *sui generis* - правоотношеній, который содержитъ въ себѣ отвѣтъ на вопросъ 1| на комъ лежитъ, кого обременяетъ обязанность, 2| за кѣмъ закрѣплена положительная сторона обязанности, кому принадлежитъ право. Въ правоотношеніи, которое я переживаю въ видѣ психическаго акта, выражаемаго словами "Я долженъ тебѣ рубль" субъектами являются "Я" и "Ты", т.е. тѣ содержанія представленій, которыя въ нашей утѣ соответствуютъ слову "Я" и слову "Ты". Мы выше при суммарномъ и предварительномъ изясненіи существа нашей теории права для разясненія ея привели примѣръ человѣка, воображающаго, что онъ лѣшій и что онъ юридически обязанъ къ чему либо по отношенію къ другому лѣшему, и указали, что въ этомъ примѣрѣ дѣйствительнымъ субъектомъ обязанности |какъ и правомочія| является отнюдь не человѣкъ, а лѣшій, точнѣе, субъектомъ обязанности является здѣсь та идея, которая возникаетъ въ душѣ этого человѣка, когда онъ мыслитъ "Я|лѣшій такой то| долженъ тебѣ |лѣшему такому то| и т.д."

Въ правоотношеніи: "Акціонерная компанія А обязана поставить казнь 100.000 пудовъ рельсовъ" субъектомъ являются отнюдь не какія то существа или предметы внѣшняго міра, соответствующія въ какомъ либо смыслѣ идеямъ "Казна". "Акціонерная компанія А", а именно идеи, которыя въ нашемъ сознаніи соответствуютъ словамъ "Казна" и т.п.

Отсюда видно сколь жестоко ошибаются тѣ, которые во-

Кто может быть субъектомъ права въ смыслѣ нашей теоріи? Иными словами: каково можетъ быть содержаніе тѣхъ идей, которыя исполняютъ функціи субъектовъ права? Оставивъ традиціонную, узко-формальную почву современныхъ теорій лицъ, почву догматики офіціального права, и ставъ на точку зрѣнія общей теоріи права, какъ таковой, мы можемъ отвѣтить: субъектами, лицами могутъ быть всѣ тѣ идеи, которыя интеллектъ человѣка | согласно со своею природою способенъ ассоціировать съ идеями обязанностей и правъ, какъ представленія управомоченнаго и обязаннаго, какъ отвѣты на вопросъ, кто обязанъ? кто имѣетъ право?

.....
образуютъ, что они изучаютъ существо лица и субъекта правъ, разсуждая о социальныхъ организмахъ, доказывая, что казна, акціонерная компанія рождаются и умираютъ, имѣютъ душу и тѣло, свою волю, свою честь и т.п. Они изучаютъ не природу лица, не природу казни-субъекта, находятъ вовсе не въ области права, какъ спеціальной области человѣческой психики, а гдѣ то совсѣмъ въ другомъ мѣрѣ; они фантазируютъ по адресу біологовъ, социологовъ, то для юриста они говорятъ о вопросахъ столь же постороннихъ, какъ тѣ, которые изучаются въ учебникахъ анатоміи, физиологіи, акушерства и т.д.

Отсюда видно, что, напр., ироническое замѣчаніе Те-линга по адресу волевой теоріи о лицахъ безъ брюха, заклю-чаетъ въ себѣ невольную насмѣлку надъ его собственною теоріею, обнаруживаетъ не практическую мудрость, а теоре-тическую наивность ея.

как подлежація съ сказуемымъ "обязанъ", "управомоченъ"

Въ частности категоріи субъектовъ правъ бывають весьма разнообразны въ зависимости отъ психики даннаго народа или лица, отъ уровня его культурнаго развитія, вѣрованій, фантазіи и т.п.

У примитивныхъ народовъ міръ правоспособныхъ субъектовъ иной, нежели у цивилизованныхъ. Въ эпоху фетишизма субъектами права могутъ быть деревья, камни, солнце, луна, звѣзды, рѣки, разные амулеты и т.д. или тѣ души, тѣлеснымъ облаченіемъ которыхъ является солнце, амулетъ звѣрь, точнѣе: идеи этихъ духовно-тѣлесныхъ существъ.

Отсюда далѣе видно, что достаточно взглянуть на теорію дестинатаровъ этого же философа права, чтобы убѣдиться, что онъ говоритъ не о правѣ, а о чемъ то другомъ. Утвержденіе, что только полное непониманіе существа дѣя и формализмъ ведутъ къ признанію истиннымъ субъектомъ лица, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ управомоченными являются только способные имѣть интересы, пользоваться и наслаждаться | *genussfähig* | субъекты, т.е. живые люди - дестинатары юр. лица, ясно обнаруживаетъ, что предметъ своего изученія онъ считаетъ не особый разрядъ психическихъ явленій, правовыя явленія, а развѣ тѣ отдаленныя слѣдствія иного рода, которыя въ своемъ дѣйствіи порождаютъ правовыя явленія. Натолкнувшись на правоотношеніе "Акціонерная компанія А. должна казнѣ 1000" онъ вмѣстѣ съ изученіемъ соответствующаго психическаго явленія | въ которомъ вовсе нѣтъ представленія несмысленной массы отдѣльных

меровскіе герои и люди заключали договоры и вступали вообще въ юридическія отношенія съ тѣнями Гадеса и съ богами Олимпа. Въ средніе вѣка дарились разныя движимости и недвижимости разнымъ святымъ; съ ними же заключались сделки такого содержанія, что вступающій въ обязательственныя отношенія со святыми обязуется дать что либо лишь условно, въ случаѣ, если святой окажетъ ему такую то услугу. Въ средніе вѣка велись также подчасъ уголовныя процессы противъ животныхъ съ обвинителями и защитниками, а многіе люди были сожжены за то, что они вступили въ юридическія отношенія семейственнаго или наследственнаго права |продажи души| съ діаволомъ.

гражданъ, а есть особаго рода идея "казна" |разсуждаетъ о томъ, что платежъ 1000 рублей отразится на удовлетвореніи интересовъ гражданъ государства, а потому истинными управомоченными являются здѣсь граждане, обязанными акціонеры, которые меньше получаютъ дивиденда. Чтобы мы сказали, если бы кто на вопросъ, что такое баллада, или, что такое поэзія, отвѣтилъ: "нѣкоторые считаютъ балладой такія то сочетанія идей и образовъ, но познакомившись съ любой балладой, не трудно убѣдиться, что содержащіеся въ ней идеи - судіе пустяки, простыя измышленія; важны здѣсь не эти идеи, а то, что авторы получаютъ отъ издателей гонораръ и могутъ вслѣдствіе этого ѣсть и удовлетворять иные интересы: баллада есть средство получить деньги; вотъ истинно практической и реалистической взглядъ; а тѣ, которые смотрятъ на балладу иначе, воображаютъ, что поэтъ

и |
и т.п.

Въ дѣтской комнатѣ можно познакомиться съ такими субъектами права, которыхъ не признаютъ правоспособными взрослые | напр., договоры съ разными домашними животными куклами и т.п. | ^{ия} и т.д.

Значительно меньше народа и разнообразія въ его составѣ въ томъ юридическомъ мірѣ, который признается официальнымъ правомъ современныхъ культурныхъ государствъ. Не только за неодушевленными предметами, но и за животными, а равно безтѣлесными духами современное законодательство правоспособности не признаетъ. Какія лица, при какихъ условіяхъ и въ какихъ предѣлахъ признаются правоспособными современнымъ господствующимъ правомъ, эти вопросы подлежатъ изученію въ соответственныхъ догматическихъ дисциплинахъ.

.....
есть какое то существо безъ желудка и кармана и интереса ихъ обильнаго наполненія: это формализм".

и | Процессы съ животными имѣютъ, такъ сказать, официальный характеръ и правового характера ихъ юристы не рѣшаются отрицать. Но эти явленія не считаются опроверженіемъ теории, будто только люди | или люди, корпораціи и учрежденія могутъ быть субъектами права. Ибо тогдашніе люди по нежесткости своему не понимали той простой истины, что и т.д.

ю | Вообще право дѣтей содержитъ много интереснаго матеріала, который не лишне было бы привлечь для изученія природы права и отдѣльныхъ его элементовъ, развитія права, какъ психическихъ явленій *sui generis*, дифференціация его отъ другихъ психическихъ элементовъ и т.д.

Приведення выше теорія юр. лицъ и классифікаціи
лицъ на фізическія и юридическія, а равно дѣленіе послѣд-
нихъ на корпораціи, учрежденія и *collegia mixta* являются
именно попытками обнятія единымъ общимъ ученіемъ постано-
вленій господствующаго права.

СЛБГУ